

Анатолий Дроздов

ХОЗЯИН ДРАКОНА

Анатолий Федорович Дроздов
Хозяин дракона
Серия «Хозяин дракона», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3954935
Хозяин дракона: IS-Публишинг; Москва; 2020

Аннотация

В каком веке на Руси жить хорошо? В XXI или в XII? Станный вопрос – смотря кому... И уж точно не подростку Ивану... И если Русь начала второго тысячелетия поначалу показалась ему сказочной страной, то уж в России нашего времени он точно ничего хорошего не видел. Оказавшись в далеком прошлом, Иван нашел свое место. Хотя сказать, что оно сладкое, язык не поворачивается...

Содержание

1	4
2	14
3	31
4	43
5	55
6	62
7	85
8	96
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Анатолий Дроздов

Хозяин дракона

1

Всадник на мухортой лошадке, не спеша, ехал берегом реки. Кобылка лениво рысила по малоезженной узкой тропке, кося влажным глазом в сторону зарослей сочной травы. Время от времени она пыталась тянуться к ним, тогда всадник ударял каблуками в желтые подпалины на боках, ясно давая понять, что останавливаться незачем. Мухортая обиженно фыркала, но послушно бежала дальше.

Всадник выглядел под стать своей жалкой лошадке: худой, в холщовых портах и серых от старости сапогах из воловьей кожи. Звали его Некрасом. Поверх льняной рубахи Некраса, некогда синей, а теперь блекло-голубой, была надета короткая кожаная безрукавка – подклад под кольчугу. Но кольчуги не было, как и шлема – всадник вообще был без шапки. Выгоревшие на солнце, давно не стриженные русые волосы скатывались до плеч. Порывы ветра, тянувшего от реки, забрасывали длинные пряди на лицо Некраса, они прилипали к потному лбу, и всадник равнодушно смахивал их обратно. Солнце всласть потрудилось над лицом Некраса, покрыв его загаром и выдубив кожу. Только глаза человека, ярко-си-

ние, большие, солнце не затронуло, обесцветив лишь ресницы. От уголков глаз бежали к вискам тонкие ниточки морщин, появившиеся то ли от возраста, то ли от необходимости щуриться на ярком солнце, поэтому трудно было сказать, сколько всаднику лет – двадцать, тридцать или того больше.

Тропинка стала круто спускаться вниз, и Некрас подобрал поводья. Берег реки прорезал глубокий овраг, заросший по склонам травой и кустарником. Тропа струилась по склону наискосок; всадник, придерживая лошадь, спустился на самое дно оврага и здесь свернул с тропы. Берегом снулого ручья он выбрался к реке и двинулся вверх по течению. Высокий меловой обрыв нависал над узкой полоской песчаного берега. В известковой стене показался широкий зев пещеры. Всадник остановился под ним и спрыгнул на песок. Затем развязал ремни, снял притороченный к седлу тяжелый мешок, а потом и само седло. Упав на песок, мешок глухо звякнул. В ответ из пещеры донесся слабый рык. Некрас настороженно глянул вверх и замер: на песке под пещерой темнели красные пятна. Всадник подбежал к ближайшему, тронул его пальцами и поднес испачканные подушечки к глазам. Затем сунул пальцы в рот и, распробовав, выплюнул.

– Выходи! – крикнул Некрас, обратившись лицом к дыре.

Никто не отозвался. Тогда всадник, пошарив взглядом, подобрал камешек и зашвырнул его в черный зев.

– Кому сказал!

Из пещеры донесся странный звук: будто там ворочалось

нечто очень большое и тяжелое, затем послышался басовитый рык. Мухортая лошадка присела на задние ноги и испуганно всхрапнула.

– Иди, иди! – усмехнулся Некрас и вытащил из-за пояса длинный нож. – Я тебе порычу!

Рык, тем не менее, повторился, и в черном проеме показалась голова. Она походила на коровью, только была больше, а возле глаз и на лбу чудища виднелись костяные пластины, торчавшие, как гребешки. Голова снова рыкнула и сердито уставилась на всадника. Тот в ответ призывно махнул левой рукой. Чудище шумно выдохнуло, из пещеры показалась длинная шея, толщиной в бревно, а затем и туловище – широкое, как у коня, только более округлое. По бокам туловища виднелись большие кожаные складки. Упираясь толстыми лапами в известняк и цепляясь за него когтями, чудище медленно сползло по склону. Вскоре стал виден хвост – такой же длинный, как шея, но не столь толстый, а плоский. Приблизившись к всаднику, чудище припало брюхом к земле и зашипело.

– Иди, иди! – повторил Некрас, занося руку с ножом.

Чудище подползло ближе и разинуло пасть, показав частокоростовидных и длинных зубов. Всадник подбросил нож вверх, ловко перехватил его за лезвие и сунул рукояткой вперед – глубоко в страшный зев. Чудище дернулось и издало утробный звук. Тело его затряслось, и всадник выхватил руку с ножом. Коровья голова повернулась к реке, вдоль шеи чуди-

ща скользнул огромный желвак; темный комок вылетел из открытой пасти и с плеском шлепнулся посреди стремнины.

– Пропала вечеря! – воскликнул Некрас и пнул чудище сапогом. – Зачем к реке отвернулся? Не мог на берег срыгнуть? Мне что теперь, нырять? Зачем вообще за добычей ходил? Велел сидеть смирно!

Чудище вместо ответа припало к песку и жалобно зарычало.

– Будешь голодным – сам виноват! – сердито сказал Некрас и спрятал нож в кожаные ножны. – Сторожи!

Он достал из большого мешка другой, поменьше, бросил его на шею лошади и ловко вскочил на спину мухортой. Кобылка, не перестававшая дрожать с момента появления чудища, резво взяла с места. Некрас двинулся обратным путем к оврагу, пересек ручей, выбрался на тропу и продолжил путь. В версте от пещеры он въехал в маленькое селение из двух десятков замшелых изб и остановил мухортую у ворот самой большой. Угрюмый, весь заросший волосами смерд вышел ему навстречу. Некрас отдал ему поводья кобылки, а затем протянул половинку серебряной монеты – резану.

– Змей овцу утащил! – сердито сказал смерд, забирая серебро. – Целую куну стоит.

– Не овцу, а ягненка! – поправил Некрас. – Совсем малый был, весеннего окота. За такого и белку дорого.

– Был малый, а стал бы большой, – не согласился смерд. –

И стоил бы куну.

Некрас вздохнул и снял с шеи кобылки мешок. Смерд распустил узел, и лицо его осветила радостная улыбка.

– Мука! Уже забыли про хлеб! Все отдашь?

– Все. Испеки мне пару хлебов – и забирай!

– Будешь ждать, пока тесто подойдет? – спросил смерд, бережно завязывая мешок.

– Некогда. Испеки пресные.

– Дочку змей напугал, до сих пор трусится! – вздохнул смерд. – Овец пасла...

– Где она?

Смерд кивнул в сторону овина. Некрас пересек двор, прихватив по пути спавшего в пыли щенка, шагнул внутрь. Немного постоял, чтобы глаза привыкли к полумраку.

Худенькая девочка лет шести сидела в углу на охапке соломы. Некрас подошел, сел на корточки и положил на колени девочке щенка. Она прижала его к себе и тихонько всхлипнула; по всему было видать – наревелась.

– Он совсем не страшный! – тихо сказал Некрас.

– Ага! – не согласилась девочка. – Сам с гору, пасть – во! – девочка развела руки. – А зубы какие! И шипит...

– Он шипит, когда боится.

– Я думала: съест!

– Он не ест людей.

– Ягненка схватил...

– Поиграть хотел. Скучно ему. Он совсем еще маленький.

Как этот щенок.

– Не маленький! – сердито возразила девочка.

– Ему только год – для смока он совсем малый. Знаешь, какие они вырастают?!

– Какие? – распахнула глаза девочка.

– У-у-у... – качнул головой Некрас. – С этот овин!

– Ты видел? – шепотом спросила девочка.

Некрас кивнул.

– Боялся?

– Поначалу. А потом понял, что смок мертвый.

– Кто его убил? Ты?

– С голоду он...

– С голоду мрут, – согласилась девочка. – У нас в веси за зиму пятеро... Что смоки едят?

– Рыбу.

– Рыбы в реке много. Или не умеют ловить?

– Умеют. Только в то лето мороз рано ударил, лед реку сковал. Смог не смог лед поломать.

– Мог зайцев ловить! Или кабанов диких...

– Не поймает он зайца – неповоротлив больно, да и кабан убежит. Овечку схватить может, но там стад не было.

– Что смоки зимой едят? Когда на реке лед?

– Зимой они спят. В пещерах. Нагуляют жир – и в спячку.

Тот не успел.

– Своего смока ты возле мертвого подобрал?

– Там.

– Маленького?

– Еще из яйца не вылупился. Смок, как подыхает, яйцо выбрасывает, чтобы детеныш, как вылупится, тушу его жрал. Яйцо я подобрал и унес.

– Чем кормил?

– Рыбой. Жевал и ему давал. Потом смок сам научился... Теперь много ест. Ему нужно, иначе не полетит.

– Ты на нем летаешь?

– Угу.

– Меня покатаешь?

– Непременно.

– Не обманешь?

– Чтоб меня Перун поразил! Подрасти только...

Некрас погладил девочку по русой головенке и вышел во двор. Волосатый смерд, отец девочки, вынес на деревянном блюде две горячие лепешки, вкусно пахнущие свежее испеченным хлебом, Некрас сунул их в кожаную сумку, висевшую на плече, и вышел за ворота. Обратный путь он проделал пешком.

У пещеры Некрас обнаружил сиротливо лежащий на песке мешок, смока рядом не было. Осмотревшись, Некрас обнаружил змея в реке: тот шумно плескался, выпрыгивая из воды и ныряя обратно в глубокие волны.

– Сторож! – сердито сплюнул Некрас и вернулся к ручью. Здесь он сбросил одежду и по грудь забрел в теплую воду. Потоптавшись под берегом, он нащупал и с натугой выво-

лок на берег большую ивовую вершу, затем – другую. Развязав лыко на плетеных донышках, высыпал на траву горку серебристой, бьющейся рыбы, и стал одеваться. Тело у хозяина змея, несмотря на худобу, было крепкое, перевитое мускулами, как вервями. На груди, плечах и боках виднелось несколько шрамов – старых, побелевших. Только один узкий шрам под левым соском был багрово-сизым – по всему видать, рана оказалась глубокой, да и зажила не сразу. Некрас еще завязывал ремешки на кожаной безрукавке, когда за спиной раздалось шумное дыхание. Некрас спокойно продолжил свое занятие. За спиной недовольно рыкнули.

– Что сам не наловил? – сердито спросил Некрас, обращаясь. Смок, пригнув голову к земле, жалобно смотрел на хозяина. Некрас разворошил живую кучу носком сапога, вытащил из нее налима, длиною в локоть и, не оглядываясь, пошел к кустам. Позади послышалось шумное сопение: смок хватал рыбу полной пастью и, забрасывая голову вверх, глотал, не жуя.

У кустов Некрас бросил налима на траву, натаскал из чащи хвороста и в три приема сволок его к берегу. Затем кресалом высек огонь, разжег костер, выпотрошил рыбину и, когда хворост прогорел до красного жара, ловко испек налима на углях, предварительно насадив его на ивовый прут. Вытащив из сумки пресную лепешку, Некрас ел, попеременно откусывая то от рыбы, то от лепешки. Он успел обглодать только один налимий бок, когда позади шумно задышали, и

под руку просунулась большая, уродливая голова. Некрас легонько шлепнул ее по носу, смок недовольно рыкнул, но голову убрал. Однако не ушел. Положив морду на песок, змей устроился рядом с хозяином и немигающим взглядом уставился в догорающий костер.

Покончив с вечерей, Некрас сходил к реке, запил нехитрую снедь водой и вернулся обратно. Подбросив хворосту в костер, он вытряхнул из мешка узел из ременных шлей, уздечек и стремян и стал аккуратно расправлять все это в свете разгоравшегося пламени. Затем он заставил змея встать и примерил сбрую. Смок послушно позволял затягивать себя ремнями, по всему было видно – привык.

– Куда тебя прет! – вздохнул Некрас, снимая сбрую. – Опять подпруга коротка! Знаешь, сколько это стоит? – потряс он ремнями. – Кольчугу продал, сегодня – меч, сапоги только остались, да за них и белки никто не даст...

Змей терпеливо слушал ворчание хозяина, затем вдруг изловчился и лизнул его щеку раздвоенным языком.

– Ну тебя! – махнул рукой Некрас и пошел к костру. Достав из мешка иглу и моток суровья, он стал сшивать ремни, ловко протыкая толстую кожу кончиком ножа. Он долго махал иглой в свете всполохов костра, сердито бормоча себе под нос, затем вновь примерил сбрую, оставшись в этот раз довольным. Сложив ремни обратно в мешок, Некрас приволок от ручья верши, вырезал у них воронкообразные горловины и стал притачивать к съемным донцам какое-то хитрое

приспособление из ремней. Закончив, запрыгнул в одну из вершей и резко потянул вверх края корзины. Те не поддались. Некрас выбрался на песок, поднял корзину и дернул за тонкий ремешок. Донце тут же отвалилось, повиснув на двух ремешках. Некрас удовлетворено хмыкнул. Проделав то же и со второй вершей, он бросил корзины поодаль, а сам растянулся у костра, подложив седло под голову. Скоро он спал, мирно сложив руки на груди.

Когда луна зашла за облако, на берег из оврага выбрался одинокий худой волк. Неслышно ступая по песку, он стал подкрадываться к спящему, время от времени настороженно замирая. Когда до угасшего костра осталось не более трех прыжков, змей приподнял голову и негромко рыкнул. Волка словно сдуло с берега. Смок втянул широкими ноздрями воздух и положил голову на грудь Некраса.

– Нечего! Нечего! – спросонья отмахнулся тот. – Не маленький!

Смок вздохнул и убрал голову. Скоро на берегу реки опять спали...

2

На кухне раздался рык:

– Где он? Где?! Убью!

– Коля! Ты что?

Мать...

– Водку вылил, сучонок! Полбутылки оставалось! Специально оставил опохмелиться.

– Сам выпил и забыл.

– Я? Забыл? Не пизди! Оставалась водка! Он!

Дядя Коля говорит правду: водку вылил я. Не хочу, чтоб он пил. Пьяный дядя Коля ругается и дерется, а трезвый он добрый. Целует мамку, гладит меня по голове.

– У нас пиво есть!

– Пивом голову не обманешь! Где он? Прибью!

– Да ему пять всего, не понимает...

– А мне похеру!

– Не трогай его! Пожалуйста!

– Уйди, сука!

Хлесткий удар, грохот упавшего стула. Неужели бьет мамку? За что? Это ведь я... Сопит, хекает... Не хочу это слышать. Обхватываю колени руками, сжимаюсь в комочек. «Колокольчики мои! – шепчу торопливо. – Приходите! Пожалуйста!»

За дверью шкафа крики и ругань – колокольчиков не

слышно. Наверное, испугались. Хлопают двери ванной и туалета: дядя Коля ищет меня. Ну и зря. Я там не играю – в шкафу интереснее. Можно сидеть и мечтать. И колокольчики приходят... «Где же вы? Пожалуйста!..»

В отдалении возникает тихий, мелодичный звон. Услышали... Стенки шкафа раздвигаются. Рой золотистых искорок появляется вдали, они приближаются, позванивая, выстраиваются в линию, затем сворачиваются в круг и начинают вращаться – все быстрее и быстрее. Темнота внутри круга редет, раздвигается, образуя стенки – передо мной длинный, гибкий ход, в дальнем конце которого сияет свет.

Дверца шкафа с треском распаивается.

– Вот ты где!

Не поймаешь! Ага! Я вскакиваю и ныряю в проход. Меня засасывает и уносит к свету.

– Твою мать! Куда?..

Трава смягчает падение. В прошлый раз был снег, глубокий и пушистый – я едва не утонул в сугробе. Стоял мороз, я скоро замерз и попросился обратно. Колокольчики вернули. Дядя Жора (тогда с нами жил дядя Жора) уже спал, а мать сидела на кухне и курила, пуская дым в потолок.

– Ты где был? – набросилась на меня. – Обыскалась! Во дворе, что ли, шатался? Посинел весь и дрожит... Не слышала, как вошел. Вот я тебе!

Мать грозит кулаком. Я не боюсь: мамка меня не бьет. Это дядьки ее, бывают, дерутся...

– Голодный? – Она двигает по столу пустые тарелки. – Все съели, надо же... В магазин сбегать? Деньги кончились. Вот, хлеб остался. На!

Я хватаю обломанный, обкусанный ломоть. Вкусно!..

Мать не знает про мои колокольчики, о них никто не знает. Это моя тайна. Моя и ничья больше. Как-то дядя Жора толкнул меня, я упал и ударился головой о порог. Стало темно. Меня отвезли в больницу, и там я впервые увидел колокольчики. Болела голова, было плохо, и они вдруг возникли, тихо звеня. Появившийся передо мной ход манил и притягивал, и я полез в него. В мире, куда меня перенесло, светило солнышко, летали бабочки и стрекотали кузнечики. Голова перестала болеть. Я носился за бабочками, ловил кузнечиков, пока не захотелось есть. Колокольчики отнесли меня обратно в палату. Никто не заметил, что я отсутствовал.

Доктор позже спрашивал, не видится ли мне чего, но я понял, что он хочет узнать мою тайну, и ничего не сказал. Давно, когда папа еще жил с нами, мама читала мне книгу. Там была волшебная страна и фея «Дзинь-Дзинь». Волшебная страна у меня есть, а вот фея не показывается. Наверное, не знает про меня. Ничего, придет. Поймет, что я хороший мальчик, и выполнит любое желание. Попрошу, чтоб папа вернулся...

Я бреду сквозь густую, высокую траву, раздвигая ее руками. Я знаю, куда идти – бывал здесь не раз. Солнечный свет, отраженный водой, ударяет в глаза. Река... Я спускаюсь к

воде, погружаю в нее руки. Вода в реке теплая и ласковая. Стайка юрких рыбок снимается со дна и несется ко мне. Рыбки тычутся мордочками в мои пальцы, слегка пощипывают их. Голодные... Простите, мне нечего вам дать. Вслед рыбкам из глубины возникает большая, хмурая тень. У тени широкая пасть и длинные усы-проводаки. Сом. Рыбки испуганно брызгают в стороны. Пасть подплывает ко мне и некоторое время смотрит черными глазами-пуговками, словно решает: хватать или воздержаться? Не схватишь – для тебя я слишком большой! Сом изгибает тело, бьет хвостом и исчезает в облаке донной мути. Только рыбок распугал, усатый!

Я взбираюсь обратно на берег и падаю на спину, приминая густую траву. Лежу, как в яме. Со всех сторон – зеленые стены, образованные высокими стеблями. Они стоят густо, солнце не пробивается, поэтому внизу прохладно и сумрачно. Я закрываю глаза. Хорошо. Никто не ругается и не дерется, здесь вообще никого. Только луг, поросший высокой травой, и река. Она такая широкая, что противоположный берег едва виден. За рекой темнеет лес. Я там обязательно побываю – попрошу фею перенести. Глаза слипаются...

Звезды... Они заглядывают ко мне в яму, словно говоря: «Пора!» Стемнело, и хочется есть. Я сажусь и обхватываю колени руками. «Колокольчики, хочу к маме!..»

В квартире темно, свет не горит. Я выбираюсь из шкафа и бреду на кухню. Здесь никого. Осторожно шарю по столу – ничего, даже объедков не оставили. Можно посмотреть

в шкафчике, но я не хочу включать свет. Мамка станет спрашивать, где я был, начнет ругаться. Я опускаюсь на колени и ползу под стол. Осторожно шарю руками. Когда мамка с дядей Колей пьют, они машут руками, еда падает на пол. Если сильно пьяные, забывают поднять. Есть! Ломоть хлеба, обкусанный, но толстый. Лежит давно, успел подсохнуть. Это неважно. Сухарь хрустит на зубах, я выплевываю попадающий на зубы песок, но жую и жую. Вкусно! Хлеб растаял, будто его и не было, и я снова шарю по полу. Рука натывается на что-то большое и тяжелое. Осторожно трогаю. Мама? Почему она здесь? Напилась и уснула? Такого раньше не бывало: мама, даже пьяная, спит на диване. Рука у мамы тяжелая и холодная. Нахожу ее лицо: оно тоже холодное. Мама молчит и не дышит.

Я выбираюсь из-под стола, бегу к выключателю. Свет тусклой лампочки озаряет кухню. Разбросанные табуретки, сдвинутый стол, черное окно без занавесок... Мать лежит на полу, неловко повернув голову, волосы растрепались, лицо бледное, рот открыт... Я бросаюсь к ней.

– Мама! Мамочка!

Она не отвечает. Ее голова мотается в моих руках, рот открывается еще больше. Оттуда вываливается почерневший язык. Позади – тяжелые шаги. Сильная рука хватает меня за шиворот.

– Попался, сучонок!

Я взлетаю вверх – удар! Темно...

Голоса, сердитые.

– Выживет?

– Голова у него крепкая. Кожу рассадили, а череп целый.

– Кровищи было... Это и спасло. В стену швырнул и решил, что убил. Не то придушил бы – чтоб без свидетеля.

– Поймали?

– Ну, не Чикатило... Пьянь обыкновенная, у дружка прятался. Сидит... Теперь надолго.

– А пацан?

– Мать убили, значит – в детдом.

– А отец?

– Местопребывание неизвестно.

– А если поискать?

– Он же их бросил. Наверняка другая семья... Найдем, скажет: не нужен! И так и эдак – детдом!

– Красивый мальчик. Ресницы пушистые...

– Усыновите! Или опеку оформите. Могу похлопотать.

– Своих бы прокормить!

– Как и мне.

– Жалко пацаненка...

– Своих жалеите! Их на ноги поставить, образование дать... С этим все ясно. Подрастет – станет пить, шмар своих дубасить. Прибьет какую или порежет – и сядет. Если самого

не прирежут. У меня такой бытовухи каждый день...

– Может, человеком вырастет...

– Из детдома дорога одна. Растим волков себе на голову.

Кормим, поим, чтоб они потом наших детей насиловали и грабили.

– Тьфу на вас, капитан!

– Ну вот, а говорили «жалко»...

– Как смотришь, debil!

Хлесткая затрещина швыряет меня на пол. Встаю.

– Поосторожней, Семенов! Нагрянет комиссия, а тут си-
няки...

– Пускай не зыркает, рвань!

– Где взяли в этот раз?

– Во Владимире, на вокзале.

– Воровал?

– Попрошайничал... В коллекторе жил – с такими же бес-
призорниками.

– Пусть бы там и оставался, раз не нравится в детдоме.
Кормят их тут, понимаешь ли, поят, одевают – все равно бе-
гают. Старшие, что ли, бьют?

– Пробовали, так он Будылина едва не загрыз – в горло
вцепился. Еле оторвали. Волчонок! Плюнули, не трогают.
Даже еду не отбирают. «Психованный!» – говорят.

– Психованный и есть. Направить на обследование?

– Направляли уже... Отклонений не обнаружили.

– Им лишь бы отделаться... Тут только глянешь – и сразу видно: дебил!

– Куда его?

– В подвал! На сутки! Еды не давать!

– Пошли, дефективный! Шевели копытами!

За спиной моей лязгает дверь. Темнота...

– Майка, да стой же! Не балуй! Кому говорю?!

Майка балует. Она молодая, игривая, и совершенно не расположена стоять смирно. Мотает головой, фыркает, насмешливо поглядывая черным глазом. «Не дамся – и все!» – говорит этот взгляд.

– Вот я тебе! – грожу чембуром.

Майка отступает, но в глазах нет страха. Она хочет играть. А вот я – нет! Некогда. Вздохнув, лезу в карман. Горбушка еще теплая. Мы с дядей Сашей хлеб печем сами – в магазине он черствый и невкусный. На нашей кухоньке стоит круглая машинка, называется «хлебопечка». В нее надо засыпать муку, сухие дрожжи, соль и добавить воды. Остальное хлебопечка сделает сама. Замесит тесто, даст ему подойти и испечет хлеб. Он получается хрустящим и душистым, вкусным-вкусным. Одна беда – мало его: хлебопечка у дяди

Саши небольшая. Я припас горбушку, чтоб пожевать вечером. Придется отдать. Жалко!

Завидев горбушку, Майка забывает об игре. Тянет голову и подымает верхнюю губу, показывая желтые резцы. Вздохнув, я протягиваю хлеб. Майка хватает горбушку и жует. Глаза кобылки прикрыты от удовольствия. Еще бы!

Прожевав, Майка тычет в щеку влажными губами – благодарит и кладет голову мне на плечо. Я глажу атласную шею, и злость куда-то улетучилась. Майка ласковая. А вот Терек – злой, укусить может, с ним только дядя Саша и справляется. Ну, и хозяин его, конечно. Он приезжает в клуб на огромном, квадратном джипе, сам седлает и взнуздывает жеребца, после чего легко запрыгивает в седло, несмотря на солидный живот. Он родом с Кавказа, там коней знают. Его не обманешь... В списке лошадей Майка значится как Мирабель. Клиентам говорят, что ее купили в Англии, а французское имя дали за легкий нрав. Чистокровная, английская... На самом деле Майка из Белоруссии, там есть конные заводы. Лошадей у них закупает даже московская полиция. Дешево... Это мне дядя Саша рассказывал. Клиенты об этом не знают – им нравится, что лошади английские...

Потрепав Майку по холке, я отступаю и поднимаю руку с недоуздом. В этот раз кобылка стоит тихо. Я надеваю оголовье, затягиваю подбородочный ремень. Майка послушно нагибает голову. Я проверяю пальцами расстояние между ее головой и налобным ремнем – все, как должно быть, затем

разнуздываю кобылку. Та недовольно фыркает – не прочь погулять. Поздно уже.

Дядя Саша сидит в каморке и сноровисто работает шилом – чинит седло. Я кладу недоуздок на столик.

– Подошел? – Он откладывает шило.

– В самый раз.

Он берет недоуздок и привычными движениями загрубелых пальцев проверяет швы на ремнях. Они должны быть не только прочными, но и мягкими, иначе уздечка натрет лошади кожу. Я тянул дратву, когда шил – чтоб вдавилась в мягкий, сыромятный ремень. Провозился, зато недоуздок вышел на загляденье – самому нравится.

– Хорошо! – говорит дядя Саша и откладывает уздечку. – Молодец! Настоящий шорник!

Я хмыкаю. До «настоящего» мне как до луны. Настоящий – это дядя Саша. Он и седла делает, а это куда сложнее, чем ременная упряжь. Седла ведь такие разные! Выездковые, конкурные, охотничьи, скаковые, пастушьи, вестерн... Всех и не упомнишь. Дядя Саша смастерит любое. К нему заказчики даже из Сибири приезжали – за каким-то азиатским седлом. Сделал. Заказчики хорошо заплатили, после чего мы купили хлебопечку...

– Уроки приготовил?

Киваю. Чего их готовить?

– Почитай! – дядя Саша берет с подоконника тонкую книжку.

Я мысленно вздыхаю: псалтырь я не люблю. Мало того, что непонятно, так еще на церковном языке. Дядя Саша называет его «старославянским». Говорит: раньше, много веков назад, на нем разговаривали. Так я и поверил! На этих «рцы» и «понеже» язык сломаешь. Но дядя Саша неумолим. Это отец Григорий его подзуживает. Говорит: у меня хорошая память и другие способности. В школе успеваю на «отлично», внешность подходящая – в духовную семинарию возьмут. Дядя Саша ухватился. Семинаристов учат бесплатно, их одевают и кормят. Не буду я ходить с крестом на пузе! В военных училищах тоже одевают и кормят...

Дядя Саша батюшку слушает – тот помог с опекуном. В администрации не разрешали: дядя Саша – инвалид, у него нет жены, живет в стареньком домике без удобств – условия плохие. Как будто в коллекторе лучше! Приезжали какие-то тетки, смотрели наш дом, выспрашивали, а после заявили, что отправят меня в детдом. Я им сразу ответил: сбегу! Они поджали губы и уехали злые. Дядя Саша подумал и сходил к отцу Григорию. Тот похлопотал. Что ему? В церковь разный люд ходит, начальники тоже попадают. Священник поговорил с одним... Без опекуна меня не брали в школу, и пока шла канитель, учебный год пропустил. Учусь теперь с семиклашками. Они совсем дети, мне по плечо. Меня побаиваются. Спрашивается, с чего? Ни одного даже пальцем не тронул... Родители их возмущались: пустили в класс беспризорника! Научит деточек пить, курить и ругаться матом.

В поселке они и без меня научатся... Родители пошумели и успокоились – убедились, что не правы. Попробовал бы я ругнуться! Дядя Саша мне бы показал...

– Помилуй мя, Боже, по велицей милости твоей, и по множеству щедрот твоих очисти беззаконіе мое. Наипаче омый мя от беззаконія моего и от греха моего очисти мя; яко беззаконіе мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну. Тебе единому согреших и лукавое пред тобою сотворих; яко да оправдишися во словесех твоих и победиши, внегда судити ти. Се бо, в беззаконіих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя...

Мысленно я перевожу слова псалма на русский. Неправда! Мать не рожала меня в грехе, у нее был муж – мой отец. Только он нас бросил, а мать стала пить...

Дядя Саша довольно кивает: читаю правильно. Отец Григорий учил: надо ровно и монотонно, не вкладывая в слова чувства. Те, кто слушают, сами их вложат. Пусть тогда сами и читают! Не хочу в попы!

– Дядь Саша! – я откладываю псалтырь. – Позанимаемся? Тот смотрит вопросительно:

– Голова не болит?

– Да нет же!

Из детдома прислали мои документы, в том числе медицинскую карточку. Чего там написали, не знаю, но дядя Саша тревожится. Голова у меня крепкая, как котел! Об стену били – не разбили... В доказательство стучу себя кулаком по

темени. Дядя Саша усмехается и встает. Я ныряю под стол и хватаюсь за черенок. Это МПЛ – малая пехотная лопатка, в армии ее выдают каждому солдату – землю копать. Мало кто знает, что лопатка – оружие: страшное и смертельное в опытных руках. Дядя Саша говорил, что современные солдаты этого не знают – их не учат рукопашному бою. А вот дяде Саше пришлось...

Он шагает впереди, припадая на правую ногу. У дяди Саши протез: наступил на мину, когда воевал. Со стороны смотреть – неуклюжий. Я на это купился. Увидел хромого на вокзале и решил: этот точно не догонит... Дядя Саша покупал билет на электричку. Я подождал, пока он сунет кошелек в карман, и запустил туда руку. В тот же миг ее будто тиска-ми схватили – смешно было думать, чтоб вырваться. Хват у дяди Саши железный, как у всех шорников. Они же кожу на ленчики натягивают. Я сжался, ожидая затрешины или крика, а он молчал, разглядывая меня из-под прищуренных век.

– Есть хочешь? – спросил внезапно.

Я кивнул. Он отвел меня к киоску и заказал сосиску в тесте. Продавец разогрела ее в микроволновке, сосиска была горячей и обжигала рот, но я глотал, не чувствуя вкуса. Дядя Саша заказал еще одну.

– Вот что, пацан! – сказал, когда я расправился и с этой. – Денег больше нет. Хочешь есть – поехали со мной! Здесь недалеко...

Пацаны в коллекторе предупреждали насчет такого. Сна-

чала подкормят, затем пригласят домой... Там изнасилуют и зарежут или продадут на органы. Извращенцев полно... Искать не станут: беспризорника-то? Кому он нужен? Но дядя Саша уговаривать не стал; предложил – и пошел к поезду. Я подумал и побежал следом. Правильно сделал, что побежал...

– К бою!

Я принимаю стойку. Правая нога вперед, колени полусогнуты, лопатка прикрывает лицо. Хват универсальный – за середину черенка, лоток на уровне плеча, рука согнута в локте. Левая ладонь закрывает горло. Лоток в чехле из сыромятной кожи – дядя Саша шил его сам. Передний край лотка и боковые грани остро отточены – пораниться проще простого. Это ведь оружие!

Дядя Саша окидывает придиричивым взглядом.

– Мягче! Не напрягайся!

Он перехватывает поудобнее толстую палку. Сегодня лопатка против бейсбольной биты. Вчера палка изображала винтовку со штыком. Баловство... Кто сейчас со штыками по улицам ходит? Зато придурков с битами полно...

Удар! Я ныряю под биту. Отбивать глупо: силы у нас разные, лопатку просто вырвет из рук. В полуприседе бью дядю Сашу по колену (плашмя, конечно), отскакиваю и принимаю боевую стойку.

– Хорошо! Только ты не на ринге. Колено ты ему подсек, но мог и поцарапать. Поэтому не жди, пока очухается, сразу

же – по руке! Чтоб биту выпустил и забыл про нее!

– Я лучше в шею!

– В шею – это насмерть! Перерубишь артерию или горло... Посадят! Мы не на войне. По конечностям бей! Кости срastутся. К бою!

Я прыгаю, уворачиваюсь, бью... Вспотел, запыхался. Вообще-то рукопашный бой скоротечный: удар, другой – и разобрались. Так говорит дядя Саша. Но мне надо отработать удары – до автоматизма. Чтоб руки и ноги действовали сами, и я не думал, куда бить. Дядя Саша тоже устал. Он у меня старенький – за пятьдесят. Голова седая, только брови черные. Его сестра, тетя Настя, говорит, что в молодости дядя Саша был очень хорош: девушки по нему умирали. Он выбрал самую красивую. После чего отправился в Афганистан, а там – бац! – мина! Невеста как узнала, так сразу и бросила. Как отец нас с мамой... Дядя Саша из-за этого и не женился. Наверное, это хорошо, иначе не подобрал бы меня...

– Хватит! – Дядя Саша забирает у меня лопатку. – Молодец! Напоследок – стесывающий удар – вот так! – Он проводит лотком у моего лица, будто смахивает пыль. – Мало-травматично и очень эффективно. Вырубает сходу.

– Почему?

– Вот здесь, – он трогает кончик носа, – пучки нервных окончаний. Кулаком заехать – и то слезы из глаз. А если железным лотком? Понял? Показываю...

Домой я возвращаюсь затемно. Дядя Саша остался при конюшне. Он в клубе и шорник, и сторож, и тренер. Все равно платят мало: хозяин клуба прижимистый. Говорит: вокруг Москвы конных клубов полно, наш – отдаленный, поэтому доходы маленькие. На самом деле от клиентов не протолкнуться. Однако с хозяином не поспоришь...

Лопатка со мной – без нее не отпускают. Шантрапы в поселке полно. Как-то у магазина меня остановили, отобрали кошелек. Я не отдавал – это были наши последние деньги, меня избили и деньги забрали. Я боялся идти домой: что скажу дяде Саша? Он нашел меня сам. С той поры и учит меня рукопашному бою. А с грабителями дядя Саша разобрался; меня теперь не трогают. Пусть бы попробовали! Я им – раз! Потом – два! По конечностям и нервным окончаниям... Надолго запомнят!

Дома раздеваюсь и ложусь в кровать. Устал, но спать не хочется. Телу приятно на чистой простыне – это не в коллере. Хорошо, что не послушал пацанов! Теперь у меня есть дом и дядя Саша. Я умею делать упряжь и скакать на коне. Мне разрешают. Лошадей надо выгуливать – им вредно без движения. Хозяин клуба, Мамед Ахметович, говорит, что я настоящий джигит – на коне родился. «Это он, чтоб не платить!» – смеется дядя Саша. Пусть так! Все равно приятно. Жаль, нет сейчас кавалерии, я бы попросился. Что бы мне родиться веком раньше?! Подумав, отказываюсь от этой мысли. Неизвестно, был бы там дядя Саша...

Засыпая, вспоминаю про колокольчики. Я давно их не звал. Зачем? Мне и здесь хорошо. Как там, интересно, мой сом? Наверное, громадный. Сейчас бы точно схватил! Вернее, попытался бы. А я ему – лопаткой!

Сплю. Завтра счастливый день...

3

Конная сотня растеклась по склонам холма, замкнув его кольцом. Вои в бронях и при полном вооружении сидели в седлах, повернувшись лицом к лугу, готовые по первому приказу оборонить трех человек на вершине. Эти трое были также в бронях и при мечях, только одеты богаче. Ворота и концы рукавов сияющих на солнце железных рубах были склепаны из медной проволоки, рукояти мечей отделаны золотом и дорогими камнями. Полированные стальные пластины-зеркала закрывали грудь поверх кольчуг. У двоих шпильки остроконечных шоломов были золочеными, а у третьего позолота покрывала весь шлем. Вдобавок спереди к шелому была приклепана золотая пластина с чеканным обликом божьей матери. Воин в золотом шеломе был молод – лет двадцати, примерно такого же возраста был и второй, с кривым мечом-саблей на боку. Лишь третий, плотный и кражистый, имел седую бороду и морщинистое лицо, выдубленное солнцем и ветром.

– Запаздывает! – сердито промолвил воин с саблей, обращаясь к седобородому. – Поношение! Князь Ростислав, воевода Светояр и сотник Балша ждут дерзкого смерда!

– Он не смерд! – возразил Светояр.

– Может, князь? – хмыкнул Балша.

– Не похож, – спокойно ответил воевода. – Но и не смерд.

Мнится, служил в княжьей дружине. Держится прямо, на рубахе кольчужный подклад, руки оружие знают.

– Как доведался?

– Я на своем веку дружинников видел более, чем ты голых девок на речном берегу! – усмехнулся Светояр. – Только дружинник носит нож на правом боку, потому как на левом – меч.

– А ежели левша?

– Правой рукой за левый бок хватался во время разговора. Меч искал... Все так делают, как оружие сымут. Непривычно без него.

– Где его меч?

– Продал на торгу.

– Откуда ведаешь?

– Сам сказывал.

– Зачем продал?

– Змея кормить. Жрет много.

– Я меч никогда бы не продал! – возразил Балша, любовно поглаживая рукоять своей сабли.

– Зачем он ему? – улыбнулся воевода. – Кого в небе сечь?..

– Дружинник – это худо, – задумчиво вымолвил Балша. – Вдруг его Великий подослал – нас из Белгорода выманить. Сам тем временем подступит к стенам...

– Не подступит!

– Почему ведаешь?

– Вечор, как Некрас от меня ушел, выслал разъезды во все

стороны. К утру воротились. Нигде и никого.

– Хитер ты, тысяцкий!

– За то и держат! – ухмыльнулся Светояр. Внезапно он насторожился и замер, вглядываясь вдаль.

– Летит!

– Где? – встрепенулся князь, до этого лишь прислушивавшийся к разговору. Светояр указал. Ростислав качнул головой:

– Старый ты, воевода, а зришь лучше молодых.

– Старые вдаль добре глядят, вблизи же рук своих не видят, – вздохнул Светояр.

– Вдруг не он? – встрял Балша. – Птица какая?

– Он! – сурово ответил воевода.

Действительно, силуэт в синем небе мало походил на птичий. У этого существа была слишком длинные шея и хвост, массивное туловище, толстые лапы. Теперь уже и вои внизу заметили гостя; задрав головы, они, не отрываясь, следили за приближением неведомого существа. Скоро стало возможным его разглядеть. Верхом на чудище сидел человек. Его маленькая фигурка позволяла оценить величину смока. Словно давая такую возможность, человек на смоке дважды облетел вокруг холма. Князь, воевода и сотник заметили, что змей взнуздан как конь – даже удила торчали во рту. К ним тянулись от рук всадника ременные поводья. Седло на змее было тоже конское, только всадник привязался к нему скрещенными на груди и спине ремнями. По обоим бокам смока

висели большие ивовые корзины.

Змей стал снижаться, метя к вершине. Испуганно заржали кони, некоторые вставали на дыбы. Всадники с трудом удерживали их. Князь, воевода и сотник попятнулись. В десятке шагов от них змей мягко опустился на землю и припал на брюхо. Некрас бросил поводья, отвязал удерживавшие его ремни и скользнул на землю. Подойдя, он поклонился в пояс.

– Здрав будь, князь! И ты, воевода!

– Припозднился! – выступил вперед обиженный невниманием сотник.

– Знай свое место, Балша! – окрысился Ростислав. – Кто здесь князь?

Сотник смущенно отступил.

– Прости, князь! – еще раз поклонился Некрас. – Камни собирал.

– Зачем?

– Службу казать.

– Кажи вначале змея!

– Я поперед пойду! – распорядился Некрас. – Смок чужих не любит, гляди – голову скусит!

Четверо мужчин подошли вплотную к змею и некоторое время молча рассматривали. Ростислав не удержался и потрогал ладонью теплое туловище.

– Совсем как конь! – сказал удивленно. – Только шерсти нет.

– Он и есть конь, – подтвердил Некрас. – Только небесный

и сена не ест.

– Почему одна голова?! – капризно спросил Балша. – Должно быть три!

– Много видел смоков, сотник? – усмехнулся Некрас. – Как он будет летать с тремя головами? Одна вправо потянет, другая – влево, средняя прямо захочет...

– Говорят, есть такие... – смутился Балша. Он хотел добавить, что впервые видит живого смока, но боялся, что другие станут смеяться. Хотя и без того было видно, что из четверых мужчин на вершине трое видят змея впервые. Они разбрелись вдоль туловища, глядя во все глаза. Светояр по-хозяйски пощупал ноги смока, потрогал кожаные крылья и даже зачем-то нагнулся, дабы получше рассмотреть кривые когти на ногах чудища. Князь и сотник тоже смотрели и трогали, даже шлепали по тугому телу. Вопреки предупреждению Некраса, змей никак не отзывался на любопытство чужаков. Похоже, ему это вовсе пришлось по нраву: прижмурив глаза, смок тихо сопел, время от времени шумно вздыхая.

– Кажи службу! – распорядился Ростислав, закончив осмотр. – Как смок к рати пригоден.

– Вели дать четыре копыя и очистить луг.

Князь глянул на сотника, тот торопливо побежал вниз. Когда всадники, слаженно повернув коней, ушли вправо и влево, Некрас спустился по склону. У подножия холма он воткнул в землю копые и отсчитал от него два десятка шагов. Воткнул второе. Скоро на примятой траве луга был помечен

квадрат.

– Сколько конных поместится там? – спросил Некрас у Светоюра, поднявшись на вершину.

– Полсотни... Или чуть менее, – прикинул воевода.

– Теперь гляди, что с ними станет!

Некрас взобрался на змея, привязал себя к седлу. Смок приподнялся и, цепляясь когтями за землю, побежал вниз. На третьем или четвертом шаге он расправил кожаные крылья и взмыл вверх. Плавно помахивая тяжелыми крылами, змей набрал высоту и развернулся.

Троица на вершине холма, не отрываясь, следила за приближавшимся змеем. Они увидели, как Некрас потянул какой-то ремень справа от себя – в тот же миг груда камней вывалилась сквозь дно корзины и устремилась к земле. Камни тяжело ударили в середину отмеченного пространства, накрыв большую часть его. Змей взмыл ввысь, развернулся, и Некрас еще раз сбросил камни – с большей высоты. В этот раз они задели угол квадрата, сломав одно из копий. Но все равно большая их часть пришлась по прежнему месту: сверкнули искры от столкновения камней, мелкие горячие осколки брызнули во все стороны. Один долетел к людям на вершине, звякнув о пластину княжеского зеркала. Князь невольно отступил в сторону.

– Был бы лазутчик – сбросил сюда! – заметил Светоюр. – Лови его потом! Ни стрелой достать, ни на коне догнать!

– Ты знал про камни? – рассердился Ростислав. – Что не

упредил?

– Не знал, княже! Некрас обещал змея казать, о камнях речи не было. Бросать ты велел.

Ростислав нахмурился, но промолчал. Змей тем временем сел неподалеку, Некрас спрыгнул наземь и направился к князю.

– Можно метать копья и железные стрелы, – сказал он, становясь перед ним. – Если сковать тяжелые – пробьют всадника до седла, броня не спасет. Можно масло горящее лить на города, в разведку летать... Много чего удумать можно.

– Сколько просишь? – спросил Ростислав.

– Десять гривен в месяц, пока не воюем. За выигранную сечу – сто.

Балша за спиной князя громко ахнул. В этот раз Ростислав не остановил его.

– За десять гривен полсотни конных нанять можно! – не утерпел сотник.

– Полсотни не срядите, – возразил Некрас. – Разве что худых каких... Ладно, пусть так. Змей сотню разгонит! И камней не надо...

– Лжа! Чтоб мою сотню... Разреши, княже? – Балша умоляюще посмотрел на Ростислава. Тот, подумав, кивнул.

– Ну? – повернулся князь к Некрасу.

– А коли убьется кто или покалечится?

– Не твоя печаль! – отмахнулся Балша. – Или струсил?

– Выводи людей, сотник! – усмехнулся Некрас. – Только не взыщи потом.

Балша легко сбежал с холма. Подчиняясь его приказу, сотня покинула склоны и стала сбиваться в плотный строй. Некрас снова взобрался на змея, чудище взлетело и, послушное воле всадника, направилось в другой конец луга. Стало ясно, что Некрас полетит прямо в лоб выстроившейся сотне.

– Чую, не кончится добром! – тронул руку князя тысяцкий.

– Пусть! – отмахнулся тот, жадно наблюдая за лугом.

Противники стали сближаться. Всадники, подняв копыта выше конских голов, ехали шагом; змей летел им навстречу, тяжело взмахивая крыльями. По команде Балши сотня перешла на рысь, затем сорвалась в намет. Светояр охнул, Ростислав сцепил зубы. Казалось, вот-вот тяжелая туша смока врежется в плотные ряды дружинников, проутюжит в строе широкую дорогу и сама, исколотая копытами, зароется в рыхлую землю заливного луга. Ростиславу захотелось закрыть глаза, дабы не видеть гибели лучших воев, но он заставил себя смотреть.

Столкновения не случилось. Шагов за пятьдесят от конного строя смок закричал. Трубно, злобно, протяжно. Зверь словно предупреждал, что идет на бой, и бой этот кончится смертью врага. Этот крик-рев шел будто от самой земли, древней и жестокой, от тех времен, когда не люди, а звери населяли ее, и был настолько ужасен и непереносим, что лю-

ди на вершине холма содрогнулись. Конный строй сломался. Лошади вставали на дыбы, сбрасывая всадников, безумно металась по лугу, ржали и кричали, распяливая раздираемые удилами пасти. Сотни на лугу больше было. Осталась толпа людей и животных, очумело метавшихся по истоптанной копытами траве. Змей, однако, не стал утюжить эту толпу. Взмыл выше и накрыл всадников густым зеленым облаком. Светояр с князем не сразу сообразили, что это такое, но тут порыв ветра донес запах...

Воевода согнулся от смеха. Он хохотал, хлопая себя по бедрам, кашлял, сморкался и все не мог остановиться. Ростислав тоже смеялся, но больше от облегчения, наступившего на душе, – обошлось. Тем временем Некрас на змее описал круг над лугом и направился к холму.

– Не можем платить столько, – сказал князь Светояру, прекращая смеяться. – Сам знаешь. Все земли ободрали – смердов, посадских, даже монастыри. Богослужebное серебро забрали, епископ грозился проклясть. С земель, что Великий летось повоевал, никакого прибитку: меха в амбарах при приступе сгорели... В казне тысячи гривен не наберется, а война не сегодня-завтра...

– Хочешь, чтоб смок воевал с нами?

– Хочу. Но еще больше, чтоб не против нас. Если Некрас отойдет к Великому...

– Дозволь мне рядиться!

Ростислав кивнул.

Когда Некрас, оставив смока, подошел к ним, воевода шагнул навстречу.

– Десять гривен! – повторил Некрас.

– Будет! – подтвердил Светояр. Ростислав едва не выругался.

– Заплатим после войны, – продолжил воевода, как ни в чем не бывало. – Когда уверимся, что змей твой добрый помощник.

– А сейчас?

– Две гривны!

Некрас нахмурился.

– Поставим тебя на кормление с княжьего стола, дадим коня, одежду, оружие, бронь, холсты и кожи, – перечислял Светояр. – Змея тоже не обидим. В двух верстах от Белгорода есть княжья конюшня, коней там нету – дружинникам раздали, ломаем перегородки – хорошо поместится. Рядом с конюшней дом добрый, а в доме том – все, что милому человеку для жизни надобно. Кормить змея будем... Сколько ему надобно? Корову в день? Или кабана?

– Смок не ест мяса.

– Неужто овес?

– Рыбу. Воз в день. Свежую, только из реки.

– Будет воз! Ну?

Некрас внимательно глянул в глаза воеводе, затем перевел взор на свои порыжевшие сапоги.

– Плату за месяц – вперед!

Светояр улыбнулся и протянул руку ладонью вверх. Некрас хлопнул по ней – срядились.

– Дам тебе провожатого – укажет, где конюшня и дом, – продолжил воевода. – Сегодня же приготовим. Оставишь змея и зайдешь в княжьи палаты – дадут коня и все остальное. Серебра сам отсыплю...

Крик прервал воеводу. Вверх по склону бежал Балша. Шлем, кольчуга, одежда и даже лицо его были густо покрыты зеленой жижей.

– Накажи его, князь! Это он нарочно! Поношение княжьей дружине...

Ростислав засмеялся, воевода поддержал его. Лицо Некраса осталось невозмутимым – лишь в глазах мелькнули искорки.

– Суди сам, князь, – сказал он спокойно, – разве можем приказать коню не опорожнять кишки? Когда захочет, тогда и кинет свои яблоки. Змей – такая же животина...

– Лжа! – попытался возразить сотник, но Ростислав жестом остановил его.

– Благодарю бога, что так кончилось! Сам кричал: «Не твоя печаль!» Калечных много?

– Двое ноги поломали, один – руку. Кому-то зубы копытом выбило. Трех коней прирезали...

– За коней и увечья заплатишь сам! – жестко сказал князь. – Чтоб вдругорядь думал перед тем, как в драку лезть! А теперь гляди: это новый дружинник Некрас. Поскольку с

сотней справился, жаловать буду его как сотника. Чти его, как я чту!

Балша оторопело поклонился Некрасу. Тот ответил таким же поклоном.

Ростислав повернулся и пошел вниз. Светояр заспешил следом. Дружинник подвел им коней, оба ловко вскочили в седла и зарысили берегом. Сотня, понукаемая ошалевшим от происшедшего Балшей, поскакала вдогон. На опустевшем лугу остались три конских трупа. Хозяева погибших лошадей тащились вслед сотне, неся на плечах седла.

Некрас проводил их взглядом и подошел к смоку.

– Забыли нас! – сказал с горечью. – Я-то надеялся: хоть рыбу сегодня не ловить! Верши спортил...

Внезапно от плотной массы коней и людей, исчезавший вдали, отделился всадник и поскакал к холму.

– Будет тебе рыба! – Некрас обрадованно шлепнул змея по шее. Тот довольно рыкнул и попытался лизнуть хозяина в лицо.

– Не маленький! – отмахнулся Некрас. Но змей все же изловчился...

4

Глаза у Юльки большие, зеленовато-серые, на вздернутом носике – маленькие веснушки.

– Наперегонки? – предлагает она. – К тому дереву? – ручка в коричневой перчатке указывает на одинокий дуб.

На Юле все красивое: приталенный черный жакет, белые рейтузы, коричневые сапожки с белыми отворотами и такая же каскетка. Я одет в китайский спортивный костюм и сапоги из сыромятной кожи, сшитые дядей Сашей. Юле это все равно. Или делает вид?

– Ну, так как? – не отстает она.

Я киваю: почему бы и нет? Юля ударяет каблучками сапожек в бока Майки, кобылка срывается и переходит в нервный галоп. Чалый устремляется следом. Мерин идет ходко, он сильный и резвый – догнать Майку нам запросто. Только я придерживаю: Юля обидится. Она любит побеждать...

Мы скачем по мягкой грунтовой дороге – Юля левее и на корпус впереди. Из-под копыт Майки летят комья земли – дорога не просохла после утренней росы. Время от времени Юля оглядывается, довольная улыбка вспыхивает на ее лице. Я делаю вид, что стараюсь изо всех сил: покрикиваю на Чалого, машу хлыстом, на самом же деле едва сдерживаю улыбку. Наездница из Юли никакая: подскакивает в седле, локти растопырены, повод тянет без нужды. Хорошо, что Май-

ка умная и не обижается на неопытную всадницу. Кобылке нравится скакать...

Поле пролетаем мигом, у дуба Юля тянет повод на себя, Майка от неожиданности приседает. Встанет на дыбы и сбросит! Я бросаю Чалого вперед, успеваю схватить кобылку за уздечку. Майка выпрямляется и замирает.

– Сама бы справилась! – недовольно фыркает Юля, но тут же улыбается: – Я первая! Вот!

Я согласно киваю. Скачка разогрела Юлю: лицо ее блестит, на кончике носа повисла капля.

– Сейчас бы мороженого! – вздыхает она.

– Я слетаю! – предлагаю торопливо. – В магазин.

У меня есть деньги – дядя Мамед заплатил за недоуздок. Немного, но на мороженое хватит.

– В магазин? – морщится Юля. – Разве там мороженое? Соя с сухим молоком. Настоящее мороженое – в кафе!

Молчу: я не бывал в кафе и не знаю, какое там мороженое.

– Самое вкусное – персиковое, – объясняет Юля. – С кусочками фруктов. Само мороженое во рту тает, а ты персик прикусишь... – она жмурится от сладкого воспоминания.

В нашем магазине такого точно нет.

– Поскачем снова! – предлагает Юля.

– Пусть кони отдохнут!

– Ладно! – соглашается она.

В клуб возвращаемся шагом. Ни Майка, ни Чалый ни-сколько не устали, они готовы скакать и скакать, но мне хо-

чется побыть с Юлей. Мы едем бок о бок и оживленно болтаем. Вернее, болтает она. Рассказывает: на каникулах летала в Австралию. Видела там кенгуру, крокодилов и коал. Коалу Юле удалось подержать. Это вообще-то не разрешается, но папа заплатил...

– Он такой пушистый-пушистый и мягкий-мягкий! – делится впечатлениями Юля. – Положил мне головку сюда, – она указывает на грудь, – и глазки прикрыл...

Я бы тоже прикрыл. Жаль, что я не коала.

– Летом летим в Лондон, – сообщает Юля.

– Зачем? – удивляюсь я.

– Папа хочет отдать меня в пансионат – будем искать подходящий. Папа говорит: настоящее образование только в Англии. Не хочу! – она морщится. – Девчонки говорили: там плохо. Учатся по двенадцать часов, и дисциплина строгая.

– Не соглашайся! – зажигаюсь я надеждой.

– Папа велит! – вздыхает она.

Я тоже вздыхаю: с ее папой не поспоришь. Он суровый и молчаливый – слова лишнего не скажет. Приезжает в клуб на большой машине с водителем в сопровождении охраны, хозяин лично выбегает встречать. Еще бы! Юлин папа абонирует клуб целиком, других клиентов в это время не допускают. Охранники занимают входы-выходы, оцепляют левую. Мне тоже не позволили бы с Юлей скакать – это она так захотела.

– В Англии тоже есть лошади, – говорит Юля, – но там не

будет тебя. Я буду скучать.

Сердце у меня замирает.

– Ты сильный и ловкий, но совсем не задаешься, – продолжает она. – Я видела, как ты скачешь. Тебе ведь ничего не стоило перегнать меня, так? Ты специально придержал коня? Чтобы мне было приятно?

Я опускаю голову.

– Никто из моих знакомых мальчиков так бы не поступил. Перегнали и смеялись бы потом... Ты настоящий друг!

Молчу и краснею.

– До лета я еще не раз приеду... Я буду писать тебе из Англии. Хочешь? У тебя есть мэйл?

Качаю головой. У нас нет компьютера. Дядя Саша обещал летом купить: ему заказали богатое седло. Торопливо сообщаю это Юле.

– Вот и хорошо! – радуется она. – Заведешь почту, будем переписываться. Договорились?

Киваю. У конюшни я соскакиваю с Чалого, подбегаю к Майке и протягиваю руки. Юля соскальзывает с седла, и на миг оказывается в моих объятиях. Ее дыхание касается моей щеки. Мне хочется подержать ее подольше, но в отдалении стоит и хмуро смотрит на нас отец Юли. Я разжимаю руки и отступаю.

– Пока! – машет мне рукой Юля. – Не забудь про почту! – она бежит к отцу.

Я спутываю Чалого и Майку, оставляю их на леваде. Пусть

пасутся. Скоро приедут другие клиенты. Только сопроводить их я не буду: мне за это не платят. Но даже если б и платили...

У конюшни стоит дядя Саша, взмахом руки он зовет меня следовать за ним. В своей каморке он садится на табурет, жестом велит мне устроиться напротив. Будет разговор. Я жду. Однако дядя Саша не спешит: смотрит в стол и водит по нему пальцем.

– Тебе нравится эта девочка?

Я вздрагиваю от неожиданного вопроса. Молчу.

– Вижу, что нравится. Она славная, даже удивительно... Словом, так: Иван, отец ее, не хочет, чтоб вы общались. Сказал об этом Мамеду, тот велел прекратить. Иначе меня уволят.

Он не продолжает, но мне понятно. В поселке работу найти трудно, а пенсия по инвалидности у дяди Саши маленькая. Вдвоем не прожить. Приедут хмурые тетки и заберут меня в детдом...

– Ваня! – он гладит меня по плечу. – Тебе только четырнадцать. Успеешь. Столько их еще будет, этих девочек! Ты парень симпатичный...

Я молчу. Он смотрит на меня, мрачнеет, затем ныряет под стол. Обратно появляется с бутылкой водки в руке – полной. Откуда? Сходил в магазин?

Дядя Саша срывает с бутылки колпачок и запрокидывает голову. Сосет прямо из горлышка. Я не мешаю – беспо-

лезно. Пьет дядя Саша редко, и пьяный не дерется. Только много говорит. Тетя Настя рассказывала: по возвращении из Афганистана дядя Саша долго пил. Потом одумался и бросил. Хорошо, что одумался: алкоголикам не разрешают опеку. Пусть выпьет – это не страшно. Я подменю его с клиентами. Хозяин не выгонит: такого работника, как дядя Саша, поискать. А вот из-за Юли уволит: пожелание богатого клиента – закон.

– Х-ха! – дядя Саша ставит пустую бутылку. Я хватаю и прячу в ящик с инструментом – вечером выброшу. – Вот ведь как, Иван... Покатался мальчик с девочкой – что с того? У всех же на виду... Нет, нельзя! Почему? Рылом не вышел! Не люди мы для них – быдло... Рвань подзаборная! Попробовал бы кто мне раньше сказать! Да я его! – он сжимает тяжелый кулак. – Какая страна была, Ваня, какая страна! Весь мир дрожал... Чтоб нашего человека кто-нибудь обидел?! В землю бы закопали – головой вниз! Что сделали, сволочи?! Разграбили, разворовали, распродали... Бандиты, беспризорники, как после Гражданской... Суки! Подстилки американские!..

Я сижу и только киваю. Дяде Саше нужно высказаться. Пусть говорит. Лучше мне, чем хозяину или клиентам – им такое не понравится. Нам нельзя терять работу...

Дядя Саша бормочет все тише, затем роняет голову на стол. Я встаю, беру его под мышки и отгаскиваю к топчану. Дядя Саша тяжелый, но я жилистый. Укладываю, сую под

голову недоделанное седло. К вечеру проспится. Я сварю ему суп, горячий и наваристый – у нас в морозилке есть косточка. Дядя Саша похлебает и отойдет. Только будет стыдиться и смотреть виновато. Не страшно...

Возле клуба тормозят машины. Нарядные, веселые люди выбираются из стальных коробок, идут к конюшне. Я мечусь, как угорелый. Вывожу лошадей из денников, седлаю, подвожу к клиентам, помогаю забраться в седло... Дядя Мамед помогает: встречает клиентов, занимает их разговором, пока я тяну подпруги и подгоняю стремена. На меня Мамед посматривает хмуро, но молчит. Он неплохой человек, наш хозяин, только скупой...

У меня получается. Клиенты довольны, кони – тоже. Их гладят, кормят черным хлебом, а возить москвичей – занятие не трудное. Это не конкур. Даже владелец Терека улыбается. Вчера дядя Саша помыл и почистил жеребца. Шерсть блестит, копыта сияют – дядя Саша натирал их суконкой. Терек утомлен, потому снисходительно позволяет себя расседлать. Я отвожу его в денник. Следом Чалого, Майку... На сегодня все.

Я бегу домой и ставлю на плиту кастрюлю с водой. Когда закипает, бросаю в нее кость и сажусь чистить картошку. Ее и морковку зложим в последнюю очередь. Первым делом – перловую крупу, ей долго вариться. Лучше всего замочить крупу на ночь, да только кто знал? Я помешиваю варево, солю, снимаю пену. Работа помогает не думать о том, о чем

думать не хочется. Сегодня я почувствовал себя беспризорником...

Я зачерпываю ложкой, дую на варево, пробую. Крупа слегка твердая, но сойдет. Дольше варить нет времени – за окном темно. Дядя Саша наверняка проснулся, ему плохо. С похмелья он плохо видит и соображает. Поест – и придет в норму, проверено.

Переливаю варево судок – я ношу в нем ужин опекуну. Вечером в поселке небезопасно, но лопатка со мной. Я запираю дом, иду темной улицей. То у одного, то у другого дома слышатся голоса и пьяная ругань – воскресенье. На меня не обращают внимания – привыкли. Вот и клуб. В окнах конюшни горит свет. Почему? Дядя Саша встал? Обычно он зажигает лампочку только в камере – электричество надо экономить. Дверь приоткрыта... Уходя, я запер ее на ключ. Странно...

Я тяну на себя тяжелую створку, и первое, что замечаю – человека на полу. Он лежит лицом вниз, неловко вывернув руку ладонью вверх, из-под головы растекается темная лужа. Я бросаю судок и переворачиваю тело. Лицо дяди Саши залито красным, глаза закрыты... Упал, ударился головой? Скорее вызвать скорую! В офисе клуба есть телефон! Я шупаю пульс на шее опекуна – дядя Саша меня учил. Не бьется... Я торопливо расстегиваю рубашку, приникаю ухом к груди – тихо... Да что же это!..

Я сижу на холодном цементном полу, слезы жгут мне гла-

за. Зачем, зачем я оставил его одного?! Надо было остаться... Пусть дяде Саше было бы плохо, но я не позволил бы ему упасть и удариться головой о пол. Сволочь я бездушная!

– Стой, сука! Стой смирно! Кому сказал!

За углом, у денников, крики, глухие удары, ржание, полное боли. Кто там? Встаю, бреду. У денника Майки трое. Один держит в руках уздечку, второй стоит в стороне, третий дубасит кобылку бейсбольной битой. Кобылка пятится и кричит.

– Хватит, Серый! – говорит тот, что с уздечкой. – Прибьешь!

– Ну, и хрен с ней! – ухмыляется Серый. – «Крестного отца» смотрел? Там коню голову отрезали и в постель хмырю подкинули. Как он орал! Хорошо бы и Мамеду так. Весь поселок платит, а он зажал, сука черная! Вот угрожаем коней...

– Хватит, что сторожа угрохал!

– Пусть не лезет! А то начал... Я ж не знал, что он такой дохлый, вроде не сильно стукнул...

Рэкетирь... Дядя Саша мне рассказывал: обложили даню поселок – и не только наш. Дядя Мамед им не платил, дядя Саша сказал: у него надежная «крыша». Не помогла она...

Я снимаю с пояса лопатку, сдергиваю кожаный чехол. Я знаю, что буду делать. У меня осталось одно желание. Сильное-сильное...

Майка больше не сопротивляется. Глаза кобылки полны

боли, по морде текут слезы. Сегодня она катала Юлю...

Первым замечает меня Серый.

– А это кто? Чего надо, пацан? Вали отсюда!

Я молча иду к нему.

– Серый! У него лопатка! – кричит второй рэкетир.

– Еще один сторож? – ухмыляется Серый. – Ну-ну...

Он хватает прислоненную к стене биту, идет навстречу. Серый высокий и крепкий, он скалит зубы и перебрасывает биту из руки в руку.

К бою! Правая нога – вперед, рука согнута в локте, хват за черенок универсальный. Левая рука защищает горло.

– Гляди-ка ты! – ухмыляется Серый. – Спецназ! Ну, пацан, напросился!

Бита взмывает вверх. Нырок, шаг в сторону, лоток скрежет по кости. Серый орет и роняет биту. Кость голени спереди едва прикрыта кожей, пнуть – и то заплачешь. А если рубануть острым?

Я выпрямляюсь. Серый орет и ругается. Удар тычком! Остро отточенный лоток с хрустом перерубает гортань, легко проникая дальше. Дядя Саша запрещал мне отрабатывать этот прием, но я не послушал. Занимался тайком, когда он не видел... Крик захлебывается. Серый валится вниз, едва успеваю выдернуть лопатку. Из разрубленного горла на цементный пол толчками выливается кровь, Серый хрипит и дергает ногами.

– Твою мать!..

Оставшиеся рэкетеры бросают кобылку, бегут ко мне. По пути суют руки в карманы. Ножи! «Нож – это очень опасно!» – учил дядя Саша. – Проигрывает в длине, но выигрывает в маневренности...» Наплевать! Мне все равно.

Отступаю назад, чтоб не запнуться о тело. Серый еще дергается. Парочка перепрыгивает дружка. Тот, наконец, затих. Рэкетеры приближаются медленно. На руках, что сжимают ножи, наколки – не поселковая шантрапа.

Парочка разделяется, заходит с двух сторон. Проход у денников широкий, позволяет. Плохо: могу не успеть... Правая нога – вперед, рука согнута в локте, хват – за конец черенка. Замах будет широкий, увернутся. Но нам главное – испугать. Лоток со свистом рассекает воздух. Ближний налетчик отшатывается, второй прыгает ко мне. Поворот, краем наступа цепляю его за руку. Рву на себя, он по инерции летит вперед. Боковая грань лопатки врезается в незащищенную спину...

Левый бок обжигает. Не успел увернуться – замах был широкий. Дядя Саша был прав: нож маневреннее... Лопаткой – назад, снизу. За спиной – вопль. Поворачиваюсь. Второй налетчик бросил нож, держится за пах. Сквозь пальцы брызжет кровь. Зацепил артерию... Лоток рассекает воздух, впиивается между шеей и ключицей. Таким ударом можно развалить человека до пояса, но у меня маловато сил – лопата входит лишь на ширину лотка. Налетчик вскрикивает и валится ничком.

Остался последний. Он успел перевернуться, но встать не может. С ужасом смотрит, как я приближаюсь. Пытается дотянуться до ножа. Бью в руку – коротко, без замаха. Хруст кости, вопль.

– Пацан! Ты что?!

Перехватываю черенок двумя руками – и резко вниз, как будто вырубая дерн. Крик сменяется бульканьем. Все... Поворачиваюсь, иду. Дядя Саша лежит там, где я его оставил. Сажусь рядом, кладу на колени лопатку. С перепачканного кровью лотка на штаны плывет красное. Плевать. Жизнь кончена. Дяди Саши нет, а меня посадят в тюрьму – на десять лет. Дядя Саша показывал мне Уголовный Кодекс. Тюрьма не лечит – калечит. Когда выйду, стану грабить и насиловать. Я приношу людям горе. Мать убили из-за меня, теперь – дядю Сашу. Я сам только что убил троих. Пусть они это заслужили, но я не судья и не прокурор. Я чудовище, детям запрещают со мной дружить...

Левый бок жжет, голова кружится. Пора. Лучше умереть там, в неведомом краю, где светит солнце и мягкая трава. «Колокольчики мои золотые!..»

Некрас подъехал к городскому торгу и остановился, внимательно разглядывая ряды. Торгующих было много: возы, груженные кулями жита, ряды хлебные, сбитенные, медовые. Были возы с холстом, гончарные, один был полон корзин, рядом в таких же корзинах выставили резаную из мягкой липы деревянную посуду: ложки, блюда, лопатки – снимать жареное с глиняных сковород-латок. На Некраса никто не глядел, хотя стоило бы. Княжий сотник был одет во все новое: рубаха из тонкого полотна, синяя суконная свита, такие же порты и кожаные сапоги с каблуками. На голове Некраса сидела круглая шапка с меховой оторочкой, на боку висела сабля в простых кожаных ножнах. Кобылка-пятiletка, на которой восседал сотник, гнедая, стройная, нетерпеливо перебирала ногами и фыркала, недовольная остановкой.

Высмотрев, что требовалось, Некрас соскочил наземь. К нему тут же метнулся худой отрок.

– Посторожу коня, боярин!

Некрас внимательно глянул на отрока. Тот был одет в латанную-перелатанную рубаху, холщовые порты. Но одежда была чистой, сам отрок умыт и даже причесан. Серые глаза на скуластом конопатом лице, тонкие бледные губы. Несмотря на прохладу, отрок был бос.

– Не тревожься, боярин, догляжу в исправности! – заверил отрок, по-своему поняв долгий взгляд сотника. – Меня здесь знают.

Некрас сунул ему повод и направился в медовые ряды. Там он, не обращая внимания на зазывания торговцев, остановился у воза молодки в расшитой рубахе. Молодка улыбнулась, показав ровные белые зубы.

– Добрый мед, боярин! Сама варила!

– Почему сама? – спросил Некрас, пристально разглядывая молодку.

– Некому более – вдовая я, – ответила молодка, ничуть не смущенная его взглядом. – Муж дружинником был, летось сгинул в сече, – молодка вздохнула, но по всему было видно: если она и горевала о муже, то недолго. – Спытай меду, боярин!

Некрас кивнул. Молодка зачерпнула глиняной кружкой из корчаги и поднесла ее сотнику. Некрас медленно выцедил кружку до дна и крякнул:

– Добрый мед!

– Сколько брать будешь? – деловито спросила молодка. – Корчагу, две?

– Я верхом приехал...

– Скажи куда, отвезу.

– Сказать не можно, а вот сам заехал бы!

Молодка пристально посмотрела на сотника, и щеки ее зарумянились.

– Моя изба в посаде, третья от полуденных ворот. На воротах петух резной. Спросишь Улыбу, всяк покажет.

– Баня у тебя есть?

– Есть! – подтвердила Улыба. – Приходи – попарим, угостим, спать уложим, коли мед в ноги ударит.

Некрас достал из кожаного кошелья серебряную ногату и протянул Улыбе.

– Задаток!

– Такому боярину можно и на повер! – возразила Улыба, но монету тут же спрятала. Затем зачерпнула и поднесла сотнику еще кружку. В этот раз Некрас пил не спеша, улыбаясь и переглядываясь с молодой.

– Чей это отрок? – спросил, возвращая пустую кружку. – Который кобылку мою держит?

– Ничей! – пожалала плечами Улыба. – Сирота. Крутится на торгу: кому коня подержит, кому покупку снесет. Ломоть хлеба дадут – он и рад.

– Давно здесь?

– С прошлого лета. Как Великий веси вокруг Белгорода пожег, много люду в город набежало. Кто потом к себе воротился, кто здесь устроился. А этот остался при торгу.

– Что ж никто не берет?

– Своих поди, прокорми! – вздохнула Улыба. – А тут чужой... Хотя отрок он добрый – услужливый, честный. Худо-го не слыхала.

– Увидимся вечер! – попрощался Некрас и отправился в

хлебные ряды. Там остановился у воза с пирогами.

– Бери, боярин! – оживилась толстая торговка. – С зайчатиной, горячие, укусные – лучше не сыщешь. Одна белка за пару.

Некрас достал из кошелья серебряную ногату, ножом разрезал ее пополам, затем половинку – еще надвое. Маленький кусочек серебра отдал торговке, взял пироги. Один сразу сунул в суму, второй разломил. Вкусно запахло горячим хлебом и печеным мясом. Некрас куснул, одобрительно кивнул и пошел к коню, жуя на ходу. Подойдя к отроку, сунул ему целый пирог.

– Спаси тебя Бог, боярин! – обрадовался тот.

Пирог отрок разломил пополам, одну половину сунул в холщовую суму, от второй стал жадно откусывать – было видно, что голоден. Некрас спокойно дал ему доесть, затем отстегнул от седла кожаную флягу, напился сам и напоил отрока. Тот благодарно поклонился.

– Как звать?

– Олята.

– Меня – Некрас, княжий сотник.

– Тот самый? У которого змей?

– Откуда ведаешь? – удивился Некрас. – Светояр сказал: тайна это.

Олята засмеялся.

– Твой змей на лугу сотню обгадил, жены дружинников Оляне ворох грязных портов нанесли. Так лаяли тебя! Все

поведали. Оляна порты два дня мыла.

– Кто такая Оляна?

– Сестра. Мы разом родились, только я первый! – гордо уточнил Олята. – Потому и назвали так: Олята – Оляна.

– Батьки живы?

– Дружинники Великого летось посекли, – вздохнул отрок. – Мы с Оляной как раз по грибы пошли. Вернулись – весь горит, люди посеченные повсюду. Всю родню побили, идти некуда. В город подались. Оляна порты да рубахи моет, я – на торгу.

– Голодно?

Вместо ответа Олята вздохнул.

– Лет сколько тебе?

– Четырнадцать.

– Иди ко мне в службу! Сыт будешь, одет.

– А служба какая?

– За конем смотреть, домом.

– Порты мыть и шти варить? – насупился Олята. – Я не баба!

– Найдем бабу! – усмехнулся Некрас, бросив взгляд в медовые ряды.

– Улыба не пойдет! – возразил Олята. – Сама девку для работы держит.

– Глазастый! – нахмурился Некрас.

– В городе живу! – шмыгнул носом Олята. – Сестру мою бери! Она работающая.

– Мала больно! Болтлива, небось.

– Не. Как батьков посекли, молчит совсем.

– Мову отняло?

– Не! Говорить не хочет.

– Ладно! – согласился Некрас. – Станет много болтать – выгоню. У меня строго! Перебирайтесь сегодня же – мой дом при конюшне в Волчьем Логу. Знаешь? Вот... Остановят дружинники, скажешь: Некрас нанял. В доме холсты, сукна, кожи – сошьете себе одежду, а еды много.

– Платить сколько будешь?

Некрас изумленно глянул на отрока.

– Гляди-ка! Еды и одежды мало... Сколько просишь?

– Ногату в месяц. Одну мне, другую Оляне.

– Будет!

– Одну дай вперед!

– Зачем?

– На Оляне рубашка худая, на улицу выйти соромится. Не починишь уже – холстина гнилая, под иглой лезет. Я на торгу приценился: рубаха ногату стоит. Как раз на нее...

Некрас сунул Оляте монету. Тот деловито зажал ее в кулаке.

– Змея покажешь?

– Даже чистить заставлю. Чтоб блестел, как конь!

– А он... – Олята потупился. – Не съест?

– Есть в тебе нечего! – усмехнулся Некрас. – Мясо нарасти! Зачем смоку тебя есть? Сам знаешь, что он с худыми

людьми делает!

6

Олята бросил последнюю охапку соломы на пол и направился к выходу. Змей преградил дорогу.

– Чего более? – заворчал отрок. – Навоз убрал, тебя почистил, соломы для подстилки принес... Все сделал!

Олята двинулся к выходу, но змей, изловчившись, наподдал ему головой пониже спины. Отрок пролетел несколько шагов и зарылся головой в солому.

– Чего дерешься?! – закричал он, вставая. – Совсем оплоумел! Не погляжу, что смок, да как возьму вилы!

Змей подцепил зубами кожаное ведро, лежавшее у стены, и протянул Оляте.

– Мыл уже! – осердился Олята. – Коня так не мою, как тебя, идола! Слетал бы к реке да искупался!

Змей не отступил. Олята, вздохнув, взял ведро и, потирая ушибленное место, поплелся к бочке с водой. Смок повернулся к нему боком, и Олята, смачивая рогожу в ведре, стал тереть ею круп змея. Когда он добрался до основания шеи, смок шумно выдохнул, уложил голову на солому и прикрыл глаза. Олята стал тереть выпуклость на крупе, и смок блаженно заурчал.

«Чешется! – догадался Олята. – Что у него тут? Как зуб режется. Но какие зубы на теле?..»

Отрок переступил через шею смока – с другой стороны

крупна была такая же выпуклость. Олята стал тереть и ее; змей, примолкший было, возобновил урчание.

«Надо у Некраса спросить, что это у него?..» – решил Олята, но не додумал. У входа в конюшню показалась Оляна.

– Что? – спросил отрок.

Сестра указала рукой в сторону дома.

– Приехал кто?

Оляна кивнула.

Олята отложил ведро и пошел к выходу. Змей не стал мешать.

У крыльца стоял конь в богатой упряжи, а рядом, сердито поглядывая на подходившего отрока, – Светояр.

– Некрас где? – спросил он, не отвечая на поклон.

– В посаде.

– Конным уехал?

– Конным, – подтвердил Олята. – Мигом сбегаю!

– Буду я ждать! – заворчал воевода. – Садись на моего коня – и духом!

Олята не заставил себя упрашивать. Взлетев в седло, крикнул сестре: «Потчуй гостя!», и сразу сорвался в галоп. Стремена оказались длинны, подтягивать их было недосуг: Олята колотил в бока откормленного жеребца кожаными поршнями. Конь шел ходко, всадник стрелою пролетел мимо конной стражи, охранявшей въезд в Волчий Лог. Завидев отрока на жеребце воеводы, дружинники в изумлении открыли рты, но перенять не успели – Олята был далеко. На

полном скаку он ворвался в посад и осадил коня перед избой с резным петухом на воротах.

– Некрас! – закричал Олята, привставая в седле. – Некрас!

Привлеченные криком, из окошек изб стали выглядывать их обитатели; Олята приосанился, с гордостью поглядывая с высоты седла. Не каждому отроку удастся сесть на такого жеребца!

Дверь избы стукнула, и на пороге показался Некрас в одной рубахе. Из-за его плеча выглядывала Улыба.

– Что тебе? – недовольно спросил сотник. – Чей это конь?

– Светояр в гости к тебе!

– Я мигом! – ответил Некрас и, отодвинув охнувшую Улыбу, скрылся в избе. Обрато он явился одетым и, на ходу застегивая пояс с саблей, пошел к воротам. Улыба, успевшая накинуть поневу, вывела из конюшни гнедую кобылку. Некрас легко взлетел в седло и, наклонившись, поцеловал зарумянившуюся Улыбу в уста. Через мгновение два всадника мчались друг за другом по узкой улочке посада...

Светояра сотник нашел в горнице своего дома. Воевода сидел за столом, попивая из глиняной кружки и заедая питье копченой сомятиной.

– Доброе пиво! – похвалил Светояр, небрежным кивком отвечая на поклон хозяина. – Холодное, из погреба. И рыба хорошая! Пиво из княжеских погребов, а сом откуда?

– Олята рыбу коптит, – пояснил Некрас, подходя. – Ту, что змей не доест. Чтоб не пропала.

– Ишь, как! – вздохнул Светояр. – Малый, а наловчился! Забрать его у тебя, что ли? Люблю я рыбу! Да еще с дымком...

Сотник не ответил, и воевода указал ему на лавку напротив. Некрас сел. Оляна неслышно поставила перед ним кружку и блюдо с рыбой. Сотник омочил усы в холодном пиве и стал сдирать кожу с сазана. Некоторое время двое мужчин сосредоточенно пили и ели, смачно причмокивая и с шумом всасывая пиво из кружек. Первым оставил это занятие Светояр. Отодвинув кружку, он вытер ладони рушником и уложил их на стол перед собой.

– Дом у тебя исправный, сотник, конь и змей досмотрены, – начал он, пристально глядя на Некраса. – Слуги проворные, справу знают. Бабу себе нашел добрую – Улыбу, знаю ее. Живешь правильно – месяц за тобой приглядываю. Однако ж не верю тебе!

– Что так? – усмехнулся Некрас.

– Темный ты! Ничего про тебя не ведаю. Откуда ты, кто, где служил, у кого...

– У курского князя.

– Курский кмет? – изумился воевода. – Видел их: лучших воев нету на свете! Звал к себе – ни один не пошел. Ты как отбился?

– Был в полоне у половцев. Два года. Не выкупили и не выменяли на половца, как ждал. Поганые меня в рабы продали. Бежал...

– Почему не выкупили?

– Родных у меня нету, сирота – заплатить некому.

– Чтоб курский князь не выкупил кмета?.. – Светояр недоверчиво покрутил головой.

– Бывает.

– Не верю, что курский кмет! – сказал воевода. – Кметы оружие ведают, а ты худший меч выбрал, – Светояр глянул на саблю Некраса, лежавшую на лавке. – Я каждый нож в оружейной знаю.

Некрас встал, достал из кожаного мешка, висевшего на стене, короткий железный гвоздь – ухналь и положил его на край стола. Стремительным, легким движением выдернул саблю из ножен. «Потолок низкий, как замахнется?» – успел подумать Светояр, и тут Некрас коротким, скользящим ударом рубанул по столу...

Лезвие сабли легко развалило ухналь и на палец вошло в доску. Некрас вытащил его и протянул оружие воеводе. Тот внимательно осмотрел клинок – нигде ни вмятинки, ни щербинки. Светояр провел пальцами по лезвию, оценивая его выделку, затем ногтем попробовал острие. Внимательно присмотрелся к металлу: вдоль золотистого лезвия бежали узкие, сплетавшиеся в пучки, волнистые линии – следы многочисленных проковок.

– Иноземная работа! – оценил воевода. – Знатный меч! Как проглядел?

– Потому как ножны бедные и рукоять деревянная, – по-

яснил Некрас. – Дружинники на золото смотрят. Думают: раз богато украшен, так меч добрый.

– Ободрали, может, золото? – предположил Светояр.

– Нет. Прежний хозяин нарочно меч таким сделал: рукоять из дуба, в руке лежит твердо, не скользит. Ножны простые, но удобные. С этим мечом воевать шли, а не перед бабами красоваться. Половец им владел – видал я у них такие. Здесь половца засекли или стрелой сбили – так и попал меч к князю. У русских такие – редкость.

– В другой раз буду на клинок глядеть, не только на ножны! – вздохнул воевода, возвращая саблю Некрасу. – Себе бы взял, но раз ты выбрал – носи!

Некрас спрятал клинок в ножны и положил саблю на лавку. Сел рядом.

– Что дальше было? – продолжил Светояр. – Когда сбежал?

– Пошел в Туров. Тамошний князь дружину набирал...

– Недалеко от Киева, – задумчиво произнес воевода. – Как в Белгород забрел? Прогнали?

– Сам ушел.

– Платили мало?

– Из-за змея. Пока был маленький, держал для забавы. Другие приходили поглядеть. Потом смок вырос. Князь сказал: на кой нам это чудище поганое? Убей! Я не схотел и ушел. Скитался, службу искал. Тяжко было. Прослышал, что князь Ростислав с великим князем Святославом воевать сби-

рается. Прошлый год недовоевали, снова силы копят. Подумал, где лучше сгожусь, и пришел в Белгород.

– Почему не к Великому – он богаче?

– Не взял бы – воев у него хватает. А меня, чтоб к Ростиславу не пошел, велел бы зарезать.

– Потому на две гривны согласился? – сощурился Святояр. – Не знал – яро надо было рядиться!

– Слово-то дал! – усмехнулся Некрас.

– Уговор дороже! – согласился воевода и решительно отодвинул блюдо с недоеденной рыбой в сторону. – Ведаешь Городец?

Некрас кивнул.

– Был там?

– Проходил мимо. Мы со змеем по рекам спускались – от Турова до Белгорода. Его рыбой кормить надо, а та в реке... Видел Городец, но не заходил.

– Смотри! – воевода плеснул из кружки на стол, пальцем сделал из лужицы долгую мокрую линию. – Это река. Здесь стоит Городец – на том берегу. Наш город был, Великий его летось захватил и не отдает. И не вернет по доброй воле. Место очень доброе: один брод на много верст вокруг, закрыл его – и нам в земли Великого не перебрести. Стены Городца высокие, воев там много – не один месяц могут в осаде сидеть. Разумеешь?

– Что?

– Городец надо сжечь!

– Пошли людей!

– Посылал уже. На броне сторожа крепкая, чужого сразу перенимают и волокут на допыт. Яриться станешь – секут без разговору. Четверых у меня засекли.

– Пошли полк!

– Нельзя нам войском! Первыми на Великого нападём – все князья удельные нас осудят, в войско к Великому потянутся. Сладко чужие земли жечь и грабить, когда право на твоей стороне. Надо, чтоб Великий первым напал, тогда его осудят, глядишь – и нам помогут! Князь Ростислав и Великий крест целовали о мире, вся Русь ждёт, кто первый целование нарушит. Разумеешь?

– Нет.

– Городец должен сгореть сам! Сушь стоит – мало ли, кто лучину обронил или жар неостывший на двор выбросил. Так должны подумать.

– Я должен зажечь?

– Хвалился, что можешь.

– Могу. На виду у всех подлететь и масло горящее на городницы сбросить. Но змея в небе не спрячешь; все знают, у кого я на службе – тайно не выйдет.

– А ты ночью!

Некрас замолчал и пристально глянул на Светояра. Тот не отвел глаз, но понял по-своему.

– Я обещал десять гривен в месяц. Дал две. Спалишь Городец – отсыплю двадцать: за месяц, что уже отслужил, и

следующий. Згода?

Некрас кивнул.

– Не медли! – добавил воевода, подымаясь с лавки. – Смеркается, пора лететь. До Городца верст пятьдесят – скакать долго, да и лететь не скоро.

Светояр надел шапку и вышел. Некрас остался за столом. Неслышно вошел Олята и стал напротив.

– Что ты? – спросил Некрас, поднимая глаза от стола.

– Возьми меня!

– Слышал разговор? – сощурился Некрас.

– Говорили громко.

– Что тебе до Городца?

– Батьков вои Великого посекли!

– А вои Ростислава посекут батьков других, – вздохнул Некрас. – Кто за тех отомстит? Ладно, собирайся... Стой! – остановил он заторопившегося Оляту. – Надень самое худое, что у тебя есть, ясно? Сними с кобылы седло и занеси в конюшню – на одном не усидим. И еще... Найди глиняные горлачи – неси все, какие у нас есть...

К Городцу долетели с рассветом. Небо за гребенкой леса стало бледнеть, когда смок пересек реку и устало опустился на песок близ узкой и длинной промоины в обрывистом берегу. Некрас и Олята соскочили со змея, быстро расседлали

его, смок тяжело заполз в промоину, где сразу скрылся от любопытных глаз. Там змей лег на песок и уснул. Некрас, будто и не было бессонной ночи, вытряхнул из мешка невод, разделся сам и велел сделать это Оляте. Утренняя вода в реке оказалась жутко холодной, у Оляты перехватило дыхание, но Некрас молчал, и отрок стерпел. Вдвоем они перегородили неводом тихую затоку и споро вытащили на берег ворох сонной рыбы. Некрас быстро и привычно разобрал ее по величине, насек в кустах веток-куканов, нанизал рыбу под жабры (Олята помогал) и, забросив кукуаны в реку, намертво пригвоздил их берегу.

– Смоку надо свежую рыбу, высохшую есть не станет, – пояснил Оляте. – А не поест – пешком обратно пойдем!

Покончив с рыбой, Некрас ловко зажег костер, они обогрелись и позавтракали – хлебом и копченым салом. Олята робко заикнулся о свежей рыбке, но сотник только отмахнулся:

– Некогда печь! Да и не хочу – наелся на год вперед, за смоком недоедки подбирая. Коли охота к вечеру не спадет, напечешь, сколько захочешь! Невод есть – еще раз в реку забрести можно...

После завтрака они спрятали сбрую и невод в промоине и берегом двинулись вверх по течению. Некрас шагал быстро, Олята едва поспевал. По пути отрок вспоминал полет. Некрас усадил его за спиной, привязав ремнями не только к седлу, но и к себе. Когда смок оторвался от земли, Оля-

те стало жутко, и он вцепился в пояс сотника. Змей, мерно взмахивая крыльями, набирал высоту. Стояла ночь, земли не было видно, и от этого становилось еще жутче. Оляте казалось, что они не поднимаются, а падают в бездонную прорву, и падение это будет продолжаться бесконечно долго – пока они не умрут от голода и жажды. К счастью, из-за облаков показалась луна, и Олята воспрял духом. К его удивлению, Некрас даже в полной темноте не сбился с пути – они летели по-над берегом реки. Мягкий лунный свет заливал землю: мерцала вода в реке, частым гребнем врезалась в темно-синее небо гребенка леса, земля внизу была тиха и спокойна. Такой красотой и покоем веяло от расстилавшейся перед ними картины, что у Оляты защемило сердце. Он смотрел во все глаза и никак не мог наглядеться. Змей то поднимался выше, то скользил вниз на расправленных крыльях; река поворачивала, лес то приступал к ее берегам, то отступал далеко, менялись виды, но каждый из них был по своему красив и мил сердцу. Впервые в своей короткой жизни Олята задумался о том, как хороша земля, на которой он родился и вырос, и поблагодарил Господа за такое счастье.

Устав смотреть на землю, Олята стал следить, как Некрас управляет полетом, но так и не разобрался до конца. Если следовало повернуть, сотник тянул за поводья, но отрок не понял, как Некрас заставляет змея подниматься или спускаться. Затем он устал от впечатлений и захотел спать. Некрас словно почувствовал это – посадил смока на пустынь-

ном холме. Здесь он скормил змею захваченную из дому рыбу и велел отроку отдыхать. Олята прикорнул прямо на траве, прислонившись спиной к теплому крупу смока. Он так и не понял: спал ли сам сотник во время недолгой остановки? Некрас разбудил его и велел залезать в седло. Последовавший затем полет был утомительным, и Олята подремывал, прижавшись к спине сотника, пока змей не пересек реку.

С высоты Олята не заметил Городца и сейчас, шагая за Некрасом, не знал, долго ли идти? Оказалось – долго. Солнце уже стояло над лесом, когда они выбрали на малоезженую дорогу и стали подниматься вверх от реки. Теперь Некрас шел сторожко и Оляте дал знак не шуметь. Никто не встретился им на пути. Лазутчики незамеченными выбрались на опушку, залегли в густую траву и стали наблюдать за Городцом.

Только теперь Олята понял, почему Светояр захотел сжечь город. Там, где поворачивала река, в нее врезался высокий мыс. С западной стороны его – крутой берег и река, с северной и южной – отвесные обрывы. Их прямые склоны несли следы рук человека – слишком гладкими и ровными выглядели. С востока к Городцу змеилась узкая дорога. Пространство мыса было огорожено по краям высокими стенами из срубов-городниц, засыпанных изнутри землей. Городницы имели заборолы из бревен с прорезанными в них бойницами и тесовые крыши. Единственный въезд в крепость также сторожили городницы, тянувшиеся вдоль него с обе-

их сторон. Нападавшим, случись им явить безрассудство и приступить к воротам, пришлось бы идти внутри этих стен под градом стрел, камней и кипящего вара. С других сторон приступить к городу и думать было нельзя: высота обрывов со стенами была не менее тридцати саженьей.

К посаду Городца вели две дороги: одна, слева – от реки, вторая, по правую руку – с востока. Западная дорога выглядела пустынной. По восточной один за другим тянулись возы. Часть их была нагружена сеном, другая – рогожными кулями и мешками, но что в тех мешках, издалика было не разобрать.

– Припасы свозят к войне! Готовятся... – заключил Некрас и повернулся к Оляте. – Пойдешь в город! Глянешь: сухи ли городницы, где за стенами стреха соломенная, а где, может, сено или солома сложены. Остановят – скажешь, что ты из веси, ищешь батьку, что повез сено и домой не вернулся. Спросят, из какой веси, скажешь: Заболотье.

– Вдруг нет такой? – насупился Олята.

– Каждая вторая весь на Руси – Заболотье, – усмехнулся Некрас, – а каждая первая – Забродье. Твою-то как звали?

– Забродье...

– То-то!

Олята встал, но Некрас остановил его. Внимательно осмотрев отрока, он зачерпнул с дороги горсть мягкой пыли, обильно посыпал ею рубаху и порты Оляты, вдобавок провел грязной ладонью по щекам.

– Поршни сыми! Новые. Босым пойдешь! Только не гляди на стражу волком! Не на войну отправляешься – батьку искать! Будут грозить – беги! Гнаться не станут – что им отрок? К тому же в броне да при мечех бегать тяжко...

Выправив Оляту, Некрас проводил его взглядом и схоронился под разлапистым кустом боярышника. Лег на спину, заложив руки под голову, и смежил глаза. Он не спал, а дремал, чутко прислушиваясь к монотонному шуму леса, как привык делать это на протяжении последних лет. Его столько раз пытались убить, что Некрас уже не мог иначе. Спал сторожко, как волк, разве что ушами не водил во сне. Даже в постели с Улыбой он просыпался, стоило кобыле во дворе фыркнуть или ветру ударить ставней. Определив источник шума, Некрас снова засыпал, – чтобы встрепенуться на следующий звук. Вот и сейчас, едва тело его размякло, налившись приятной тяжестью, как отдаленный топот копыт заставил Некраса открыть глаза. Он прислушался – топот приближался. Сотник привычно определил, что всадников трое, и они торопятся. Некрас не встревожился – от дороги до куста боярышника, где он схоронился, было шагов десять, разглядеть его в зарослях невозможно, но давняя привычка взяла свое. Некрас извлек из ножен саблю и положил ее перед собой. Понадобится – успеет схватить. Сжимать рукоять нет нужды, да и рука затечет от напряжения. Он не отрок, идущий в первый бой...

Копыта простучали рядом, и топот стал затихать вдали.

Некрас собрался было прятать саблю, как услышал, что всадники возвращаются. В этот раз они ехали шагом. Некрас осторожно раздвинул ветки кустарника и скоро увидел троих в бронях и при оружии. Тот, что ехал спереди, внимательно смотрел на пыльную дорогу, выглядывая следы, двое шарили глазами по обочинам. Напротив куста боярышника вои остановились. Некрас нахмурился и взялся за рукоять сабли.

– Куда они подевались? – зло сказал первый всадник. – В лес, что ли, свернули?

– Говорю тебе: наш это, давно в корчме сидит! – ответил ближний к Некрасу воин. – Что рыщем?

– Сторожа ясно видела: шли от реки вой и какой-то отрок. Не наши. Что нашему у реки делать?

– Рыбу ловить! – предположил второй всадник. – Посидели на зорьке с удочкой или, может, невод забросили. Или... Думаешь, это был отрок? Вдруг девица переодетая? – он хихикнул. – Сам ведаешь: не любят посадские дочек с нами отпускать...

– Вдруг они с того берега?

– Как? На броне сторожа, по берегам день и ночь конные рыщут. Лодью или челн сразу углядят. Мимо наших птица не пролетит! Поехали лучше в корчму! От такой скачки во рту высохло!

– Тебе бы только брагу цедить с утра до ночи! – заворчал первый всадник, но коня повернул. Следом направились и другие.

«Крепко сторожат! – укорил себя Некрас. – Светояр упреждал. Ворочаться надо через лес. Только про птицу он зря – змея не углядели...» – усмехнувшись этой мысли, сотник спрятал саблю в ножны и вновь устроился под кустом.

...Олята вернулся нескоро. Некрас услышал его шаги издалека, перебрался под другой куст и оттуда внимательно смотрел, не идет ли кто следом за отроком. Не шел. Сотник вышел навстречу и сразу увидел на грязных щеках отрока две широкие дорожки от слез.

– Били?! – спросил сочувственно.

– Нет! – радостно ответил Олята. – Это я, чтоб в город пустили. Батьку ищу! Сжалились... Только тиун увидел – и плеткой! – отрок задрал рукав рубахи и показал багровый след на плече. – Потрох сучий!.. Все равно я высмотрел!

– Что?

– Внутри города все завалено сеном – до самых заборол!

– Наташили в город сена?! – изумился Некрас. – Зачем?

– Не знаю...

– Они же сами себя спалят!

– Сотник, что над воями стоит, запретил жечь огонь в городе. У жильцов отобрали кресала, вынесли все светцы, лучины, дрова. Еду готовят в посаде, там и обедают – жильцы и вои.

– Как выведал?

– Зашел в корчму, посидел в уголке... Люди громко говорят.

– Молодец! – похвалил Некрас. – Вот тебе! – он достал из-за пояса и протянул отроку нож в кожаных ножнах.

– Мне?! – вспыхнул краской Олята. – А как ты?..

– Еще один есть! – Некрас похлопал по голенищу сапога.

Обратно они шли через лес, поэтому к своей промоине добрались к вечеру. Смок встретил их радостным рыком. Некрас первым делом замел на берегу утренние следы, присыпал песком кострище, затем вытащил кукуны и накормил змея рыбой. Отправив Оляту собирать хворост, он развел в дальнем конце промоины костер и обжарил на прутиках ломти копченой свинины. Для Оляты оставил несколько рыбин на кукуне – пусть лакомится! Отрок, натащив хвороста, принялся печь рыбу на углях, затем они пообедали – каждый своим печевом. Некрас запивал свинину медом из фляги, Олята обошелся речной водицей. Они заканчивали есть, когда из сгустивших сумерек выплыла белая тень.

– Это мое место! – капризно сказала гостья. – Зачем вы здесь?

Некрас схватился за саблю, но присмотрелся и опустил руку. Перед ними стояла то ли девочка, то ли девица в дражной рубахе до щиколоток. Немытое лицо, нечесанные волосы и черные от грязи ноги... Гостья шагнула ближе, и Олята разглядел неподвижное лицо и странный взгляд.

«Навка!» – понял он и оцепенел от ужаса. Но Некрас не смутился.

– Садись, гостья дорогая! – сказал он, указывая навке

пень, с которого вскочил. – Не побрезгуй, отведай нашего угощения!

Некрас положил на лист лопуха оставшуюся свинину, ломь хлеба, прибавил печеных судаков. Все это с поклоном подал девице. Та, поколебавшись, взяла еду и села на пенек. Свинину отложила, а рыбу стала есть, отхватывая зубами большие куски и чавкая.

«Навка! – утвердился в своем подозрении отрок. – Рыбу выбрала...»

Тем временем Некрас поднес навке фляжку. Та надолго приникла к горлышку, а затем, отбросив обглоданный хребет, схватила следующую рыбу и не остановилась, пока не обгрызла, не обсосала ее до последней косточки.

– Укусно! – заметила навка, бросая на песок и этот хребет. – Не хочу более! Добрые вы люди... Что делаете здесь?

– Рыбу ловим! – пояснил Некрас, кланяясь. Когда сотник выпрямился, Олята заметил в его глазах какие-то странные искорки.

– Здесь я рыбу ловлю! – нахмурилась навка.

– Прости, не знали! – развел руками сотник. – На рассвете уйдем!

– Ладно! – согласилась навка. – Но чтоб на рассвете... Это кто? – навка испуганно указала на голову подползшего к кусту змея.

– Смок мой, – пояснил Некрас. – Не бойсь, он добрый.

– Не укусит? – деловито осведомилась навка.

– Ни в жисть! – заверил Некрас.

Навка встала, подошла к змею и осторожно тронула его ладошкой. Смок закрыл глаза и заурчал. Навка погладила его по колючей голове и отступила к костру.

– Пойду! – сказала она, потягиваясь. – Спать хотца. Отрок пусть идет со мной!

Олята испуганно отшатнулся.

– Не бойсь! – шепнул ему на ухо Некрас. – Она безвредная...

Олята робко встал, навка взяла его за руку и повела за собой. «В воду потянет! – дрожал Олята. – Там обовьет руками – и на дно!» Отрок оглянулся в надежде, что Некрас заберет его, но сотник только улыбнулся в ответ. Навка, к облегчению отрока, повела его не к реке, а в лес. Недалеко. У высокой сосны она наклонилась и стала странно грести руками. Олята присмотрелся и понял, что навка разравнивает кучу сухого мха.

– Добро будет! – сказала гостья, разгибаясь. – Ложись! Спать будем!

Олята, поколебавшись, робко прилег, навка тут же пристроилась рядом. Обняв Оляту, она уткнулась носом в его плечо и ровно задышала. От странной гостьи пахло потом и невымытым телом, и Олята вдруг сообразил, что навки так не пахнут. Они же в реке живут, должны быть чистые! Олята осторожно отодвинулся от странной девицы, рука ее соскользнула с его плеча.

– Не ходи во двор, Василько! – пробормотала она. – Засекут! Они злые...

Олята замер, чуть дыша, и девица успокоилась. Скоро она стала мерно посапывать. Олята осторожно отполз в сторону, встал и пошел обратно. Некрас ничуть не удивился его появлению. Он вообще занимался странным делом: зажав меж ног глиняный горлач, ножом вертел в боку его дырку. Круглую рукоять острого ножа сотник пристроил меж ладоней и вращал нож их встречными движениями. Обожженная глина скрипела, но поддавалась. Олята удивился, почему сосуд не трескается, но, присмотревшись, разглядел: внутри горлач забит песком.

– Думал, навка! – сказал Олята, присаживаясь рядом. – Испугался...

– Блаженная она, – сказал Некрас, не отрываясь от своего занятия. – Глаза ее видел? А рубаху? Живет в лесу, ест, что найдет, – сотник вздохнул.

– Почему она взяла меня?

– Кого-то напомнил. Брата или жениха. Или убили того, или сгинул, а она умом тронулась... – сотник провертел, наконец, свою дырку, высыпал из горлача песок и полюбовался на работу. В пузатых боках горлача темнели три отверстия.

– Думал, навка, – повторил Олята, все еще под впечатлением случившегося.

– Навок не бывает!

– Да ну? – не согласился отрок.

– Сколько по лесам ходил, у реки ночевал – ни одну не видел. Выдумывают люди...

«Увидел бы, так сгинул! – подумал Олята. – Наверное, смока навки боялись...»

– Нож не потерял? – повернулся сотник к нему.

Олята покрутил головой.

– Тогда иди к берегу и нарежь ивовых веток. Тонких, для корзины.

Когда Олята принес ветки, перед сотником стояли два дырявых горлача. Взяв ветки, Некрас ловко и очень быстро сплел небольшую корзину. Застелив ее дно оторванным от рубахи куском (Олята только вздохнул, видя такое небрежение), Некрас горстями насыпал в корзину песка, встал.

– Седлай змея! Летим!

Прежде, чем они забрались в седла, Некрас нагреб в горлачи жарких углей, выбирая те, что побольше, и поставил в корзину. Корзину передал Оляте, велел держать перед собой. Ничего не понимая, Олята привязался ремнями, сотник шлепнул змея по шее, и тот, переваливаясь с ноги на ногу, пошел к реке. «Будем переплывать? – удивился Олята. – Так на том берегу сторожа!» Однако смок, зайдя в воду, поплыл не поперек реки, а против течения. Двигался он все быстрее и быстрее.

– Береги угли! – сказал вдруг Некрас, поворачиваясь. Олята не успел сообразить, почему именно сейчас угли надо беречь, как змей расправил крылья и захлопал ими по во-

де. Олята склонился на корзину, прикрывая телом угли от брызг и не видел, как смок разбежался и плавно взмыл над рекою. Неспешно помахивая крыльями, змей поднялся над лесом и полетел по-над берегом. Было уже за полночь, луна стояла высоко, и Олята вновь увидел внизу серебряный блеск воды, темную гребенку леса и луг, над которым они медленно плыли.

– Приготовься! – сказал Некрас, не поворачиваясь. – Когда скажу – подашь мне под правую руку корзину. Сам возьмешь второй горлач. Будешь делать, что и я.

Олята послушался. Держа корзину в руках, он напряженно ждал и скоро дождался.

– Давай! – шепнул Некрас.

Олята подал, сотник на ощупь выудил из корзинки горлач и крепко ухватил его за толстую ручку. Отрок последовал его примеру. От этого движения пустая корзина выскользнула из его рук и полетела вниз. Олята проводил ее взглядом и увидел, как прямо на них надвигаются высокие темные стены.

– Бросай!

Некрас швырнул свой горлач в сторону, Олята немедленно сделал то же. Оглянувшись, он увидел, как оба горлача, кувыркаясь и разбрасывая по сторонам красные искры, летят вниз – прямо в темную массу, оставшуюся за спиной. В то же мгновение смок часто замахал крыльями, они стали подниматься. Над рекой Некрас развернул змея, и они полетели обратно. Некрас свесился влево, глядя вниз, отрок сде-

лал то же, но ничего не увидел – все та же темная масса спящей крепости. Над лугом они опять развернулись к реке.

– Придется лететь к Светояру за горючим маслом, – вздохнул Некрас. – Не вышло...

– Гляди! – прервал его Олята.

Сотник глянул вправо – над крепостью поднимался багровый язык пламени. Затем выскочил еще один, следом еще... Небо над Городцом осветилось, в потоке горячего воздуха, летевшего ввысь, дрожали и расплывались звезды. Понеслись крики, которые вскоре слились в один сплошной вой. Некрас с Олятой летели над посадом. Пламя, доев сено, перебросилось на стены Городца, улицы посада были ярко освещены. По ним двигались какие-то точки, присмотревшись, Олята понял – люди! Все бежали прочь от города, некоторые уже миновали посад и неслись по лугу. Все это промелькнуло в один миг – поджигатели были над рекой.

– Дай бог, посад не сгорит! – вздохнул Некрас. – Куда ж людям зимой?

Смок пересек реку, Олята в последний раз оглянулся. Городец пылал. Там, где еще сегодня утром стояла неприступная крепость, бушевал огонь, ярко освещая все на версту вокруг. Даже на хвосте смока отбивался багряный цвет.

– Так вам! – радостно прошептал Олята. – За батьков! За Забродье мое! Чтоб ты сгорел, Великий! Как этот Городец...

Взгляд Святослава был долгим и тяжелым. Сотник Жегало ежился, но глаз не опускал. Невысокий, крепко сбитый, Жегало был некрасив. Смуглое, скуластое лицо с глазами-щелочками, сам чернявый, борода клочковатая... «Половецких кровей, – думал Святослав, злобясь. – Мать покрыл кто-то из степняков. Набрали в войско выблядков, мать их! Расхлебывай теперь! Ишь, стоит гоголем! Жегало... Выбрали имечко!»

– Ты велел сено в Городец тащить? – сурово спросил Святослав, с удовлетворением наблюдая, как корчит сотника от вопроса.

– Я! – тихо ответил Жегало.

– На лугу места не было?

– Крали там сено! Днем привезут, а ночью волокут... Схоронят затем по лесам – не найти!

– Сторожа на что?!

– Луг большой. На одной стороне сторожа, на другой крадут. Каждую ночь.

– Значит, сторожу на каждую сторону! – раздраженно сказал Святослав, зная, что ответит сотник.

– Людей не было. Две сотни всего... На броне – сторожа, по берегам разъезды, сторожа в Городце, – стал перечислять сотник. – За Ростиславом смотрели крепко, чтобы успеть,

случись нападение, в Городце запереться и тебя предупредить, великий князь. Но более всего приходилось отряжать воев за припасами. Не хотели смерды по доброй воле хлеб и сено отдавать, с вилами кидались. Кричали: «Все равно зимой подыхать!», – сотник облизал губы. – Ты велел припас на большое войско заготовить: все забирали, подчистую. Не наши земли, княже!

«В наших тоже кидаются! Что из того, что смердов отобрали? Где теперь эти припасы?» – горько подумал Святослав, но вслух сказал другое:

– Понимал, что может загореться?

– Понимал...

– Что сделал?

– Отобрали у жильцов кресала, лучины, светцы, все дрова из Городца вынесли, чтоб в печах не палили. Ночевали жильцы в посаде, в городе оставалась сторожа.

– Она и подожгла!

– Не могла! – Жегало снова облизал губы. – У нее тоже кресала отбирали, а тех, кто в ту ночь стоял, я много лет знаю. Трое сгорели, десять обожглись... Головой за них ручаюсь!

«Головой и ответишь!» – хотел сказать Святослав, но вовремя остановился. Княжье слово – не воробей, вылетит – думай потом, как поправить. Казнить сотника успеется – надо разобраться. Жегало, видно, этого тоже желал. Сотнику хотелось что-то сказать: крутился, пыжился, ожидая вопро-

са. Но Святослав не спешил. Пусть помучится, половецкая кровь!

– Жегало знает, кто Городец спалил! – пришел на выручку сотнику тысяцкий Горыня.

– Кто?

– Ростиславичи!

– Это я и без тебя ведаю! – усмехнулся князь. – Всяк знает, кому Городец спалить свербело. Поведай, как смогли?

– Жар на сено сбросили! – торопливо выпалил Жегало. – Сверху...

– На птице прилетели?

– На смоке...

Святослав хотел выругаться, но удержался. Не те года, чтоб лаяться срамными словами. Половецкий выблядок задумал морочить голову. Казнь будет жестокой...

– Какой смок? О трех головах, пышущих пламенем? Значит, прилетел и спалил?..

Жегало, уловив издевку в голосе князя, понурился.

– Что молчишь?

– Одна у него голова... – тихо сказал сотник.

– Сам видел?

– Рында поведала...

– Что за Рында?

– Блаженная... В лесу живет. Как Городец сгорел, прибежала и хвалилась, что смока видела. А с ним двое были: отрок и вой при мече. Не наши...

– Блаженная... – князь колебался, решая, разразиться ему гневом или отдать спокойный приказ. Но снова вмешался Горыня.

– Кажи князю, что принес!

Жегало достал из сумки черный, закопченный горлач и протянул Святославу. Князь медлил, брезгуя взять грязную посудину, Горыня подскочил, схватил сам.

– Гляди, княже! На пепелище нашли. С дырками. В таких горлачах хозяйки угли носят из дома в дом – печь разжигать. Но в тех гончар дырки сразу делает, в этом – ножом сверлили. Не знали Ростиславичи, что сено в Городце, прилетели, разведали, просверлили горлачи, насыпали углей, а затем сверху бросили. Один вой на забороле видел, как по небу летело нечто большое и черное, потом огоньки вниз посыпались...

– Ты веришь в смоков, тысяцкий?

– Дед мой их видел!

– Мой тоже много чего видел, – усмехнулся Святослав. – Рассказывал мне сказки на ночь. Мне не пять лет, Горыня – шестьдесят! Я сам скажу, как все было. Разведали Ростиславовичи, что сено в Городце, подплыли ночью на лодье, пустили через стены огненные стрелы... Никаких смоков не надо!

– Не было этого! – сердито сказал Жегало. – Разъезды по обеим берегам, сторожа у Городца и на броде... Прежде, чем подплыли бы, всех перестреляли! Подсылал к нам Светояр

лазутчиков – и не раз. Переняли, допросили, засекли!

– Ты уверен в стороже?

– Это мои вои! – набычился Жегало. – Я с ними пять раз в Поле ходил. С ними против князя Игоря секлись...

– Поди вон! – не стерпел Святослав.

Жегало вспыхнул, но сдержался. Поклонившись, быстро вышел из палат, оставив князя с тысяцким.

– Это не лжа, княже, – сказал Горыня, когда сотник скрылся за дверью. – Я знаю Жегало!

– Нет людей, которые не лгут!

– Жегало из Черных Клобуков. Принял нашу веру, ушел от своих. Сам знаешь, как бьются Клобуки. Больше скажу, княже: в сече я ставлю Жегало рядом – знаю: не побежит. Не раз так было. Верю ему, как себе!

«Хорошо, что не велел казнить! – подумал Святослав. – Клобуки этого не снесли бы, хоть сотник и ушел от них. Треть моего войска – Клобуки! Когда-то пришли на службу Киеву из Степи – землю им дали, выпасы. Рады были, что от половцев спасли, кланялись до земли! Теперь разбогатели, загордились... Хотят – идут в войско, не хотят – нет. Сильны, нет на них управы... Я тоже хорош: старый стал, не ведаю своих сотников. Однако наказать Жегало следует: кто бы ни сжег Городец, а вина его!»

– Не может ли так быть, что сам Светояр нам сказку про смока подкидывает? – спросил Святослав. – Дабы убоялись и в земли Ростислава не шли? Смутно все это... Блаженная

кого-то видела, тень в небе мелькнула... Сам узнавал?

– Жегало лазутчиков пытал – ни один о смоке не ведал!

– Вдруг пытал плохо?

– Жегало умеет... Калеными клещами мясо на теле рвал – ни один человек стерпеть такое не может. Все лазутчики поведали. Про войско Ростислава, сколько у него конных, сколько пеших, откуда помощи ждет... Про смока не обмолвились – не знали.

– Откуда тогда явился?

– Светояр взял на службу!

– Хочешь уверить, что смок существует?

– После того, как Жегало прискакал, спрашивал я своих.

Один сотник вспомнил: был у Глеба Туровского дружинник Некрас, который держал дома смока. Маленького, не больше теленка. Все ходили к нему в дом на змея дивиться. Глеб хотел забрать смока, да дружинник не отдал. Глеб прогнал его. Потом одумался и выслал погоню: Некраса убить, а смока отнять.

– Отнял?

– Ни один из той погони домой не вернулся. Всех Некрас порубил.

– Сколько воев в погоне было?

– Шестеро.

– Один порубил шестерых?!

– Да, княже! На воях живого места не было: кому Некрас голову снес, кому руку отрубил. Коней – и тех заколол.

Страшное дело: туровские женки неделю выли... После чего сгинул Некрас, ничего о нем слышно не было. Глеб посылал людей по городам и весям, но попусту...

– Не верю я, чтоб один шестерых убил! Да и на Глеба не похоже – столько на одного выслать. Скуден умом князь... Небось послал двоих, те по пути в корчме брагой опились, вот Некрас их и одолел.

– Может, и так было, княже, – любят люди приврать... Но Некрас мог податься к Светояру. И смок с ним...

– Его смок – как теленок! – возразил Святослав. – На таком не полетишь.

– Вырос. Сотник рассказывал: Некрас смока маленьким нашел, не больше хоря был. Кормил с рук. Смок к нему так привязался, что стал как собака, слушался каждого слова. Потом змей вырос и жрал столько, что Некрас прокормить не мог. Просил князя помочь, а Глеб отобрать велел...

– Жаден Глеб, – вздохнул Святослав. – Дал бы Некрасу гривну, тот сам бы смока отвел. Нам забот не было бы.

– Думаю, княже, про смока выведать.

– Как?

– Жегало виноват перед тобой – пусть в Белгород едет!

– Узнают его!

– Не был он в Белгороде, никто его там не ведает. К тому же рожа у него не русская, такие все – на одно лицо. Велю ему бороду остричь, волосы с головы снять, как половцы делают. Будет оружием торговать. Никто не удивится: Ро-

стислав к войне готовится, оружие в цене, купцы везут его в Белгород.

– Дашь Жегало мечей – ворога вооружать?

– Возьмет половецкое железо, дрянное. У нас его много, вои брать не хотят. Пусть Ростиславовичи купят – много не навоюют.

– Ладно! – согласился Святослав. – Людей пусть возьмет своих – из Клобуков. Если Некрас в Белгороде – убить! – лицо князя стало жестким. – И смока, коли получится.

– Сделаем, княже!

– Лучше скажи, как далее быть? – вздохнул Святослав. – Рядились собрать войско у Городца, для того Жегало сено с зерном запасал. Теперь Городца нет, припасов нет...

– А земли Светояр занял...

– Когда?

– Сегодня. Большое войско перебрело на этот берег. Земли-то его, княже!

Святослав помедлил и кивнул.

– Много людей в Городец сгорело? – спросил тихо.

– Трое... Еще столько убились, с городниц прыгая.

– А посадские?

– Уцелели. Огонь не затронул посада – ветер в другую сторону дул.

– Стены Ростислав за два месяца подымет, службы до снега отстроит – Городец опять его! Столько воев летось под ним положили – все без толку, – Святослав вздохнул: – Ду-

май, тысяцкий, как нам далее быть? Как войну теперь вести?! И я подумаю...

Горыня поклонился и вышел за двери. В сенях к нему метнулся Жегало.

– Будешь жить! – успокоил тысяцкий. – Сослужишь князю службу – все забудется. А хорошо сослужишь – награда ждет.

Сотник выхватил из-за пояса тяжелый кошель и с поклоном вложил в руку Горыни. Тот взвесил кошель в ладони, удовлетворенно кивнул:

– Идем, расскажу про службу...

Святослав, оставшись один, прошелся по горнице. «Некрас... – подумал со злобой. – Еще один! Вдруг тот же? Нет! – успокоил себя. – Того и косточки сгнили...» Князь прилег на застланную толстым ковром лавку и смежил глаза. Болела голова – от вчерашнего пира, а еще более от мысли, что кубки поднимали, когда Городец пылал. Маленькая, но грозная крепость была ключевым звеном в задуманной князем войне, а теперь цепь разорвалась, и соединить звенья не получалось.

«Светояр, это все Светояр! – думал князь, не замечая, что сердито скрипит зубами. – Без него Ростислав – вздорный отрок, которому достаточно плетку показать! Летось спас щенка от верного разгрома – заманил мою дружину в леса, заплутал ее, затаскал по буеракам, пока люди и кони не изнемогли. Пришлось о мире рядиться, крест с сопляком целовать. Не угомонится Светояр, пока Ростислав на киевский

стол не сядет. Как такую язву терпеть? Светояр не пускал меня в Киев – мой город по праву старшинства, войско Игоря разбил. Хорошо, что другие князья поддержали, Любечский ряд вспомнили, лествицу старую. Нет в землях наших порядка: брат на брата идет, щенок – на великого князя в благородных седирах. Окоротить бы молодца, чтоб навсегда дорогу в Киев забыл! Но как? Горыня Светояру в онучи не годится – хитер, изворотлив, но думать не умеет. К тому же золото любит... Заменить его нечем – другие еще хуже. Переманить Светояра не выйдет – верен как пес, дед его Ростиславовичам служил. Теперь этот смок... Глеб Туровский забаву искал, а Светояр другое увидел. Мигом Городец сожгли... Прознает дружина про смока – на коня не посадишь! Всяк с детства сказку помнит про трехголового, что огнем дышит... Что из того, что у этого голова одна? У страха глаза велики...»

Тяжкие думы одолевали великого князя, да так, что почувствовал себя худо. Кликнул слуг, те отвели Святослава в баню (всегда натоплена, старый князь любит). Там Святослава легонько размяли вымоченными в меду травяными венниками, поднесли холодного капустного рассолу – полегчало. Ужин князь велел подавать в спальню, к общему столу не пошел – не хотелось не ко времени здравицы слушать. Была среда, постный день, Святослав без охоты пожевал пареной рыбки с тыквенной кашей, выпил холодного узвару и лег поживать под меховое одеяло. Долго ворочался, не в силах ото-

гнать дневные заботы, и уснул только под утро...

8

Голос... Хриплый, старушечий.

– Откуль?

– На бреге лежал, у самой воды, чуток не дотянулся. Я на челне плыла, заметила. Подгрехала, а он в непритомности. Гляжу – спина в крови. Заволокла в челн...

Второй голос женский, мягкий и слегка испуганный.

– Где нашла?

– Близ Черного Яра.

– Глухое место... В избу сама волокла? Никто не видел?

– Темно было. Никто!

– Посвети! Возьми лучину!

Меня ворочают, щупают. Больно.

– Язва у него, вишь, ножом в бок ткнули... Как к Яру добрался? Житла близко нету!

– Не ведаю, бабушка! Брег травой порос, так она у воды примята, а более нигде. Не брегом шел. Выживет?

– Коли б нутро задели, давно помер. Дышит... Кажи одежу его!

– Вот!

– Крови много – значит, не внутрь. Очуняет. Что за рубаха такая? И порты?..

– Не ведаю.

– Спали! В печке!

– А поршни?

– Эти? На веревочках? Туда же!

– Вот еще... На шее висел.

– Крест?! Выбрось! В реку! Не дай Велес, прознают! За-режут отрока!

– Откуда он, бабушка?

– Тело гладкое, лик гожий, руки мягкие. Одежа не здешняя, дорогая... Не смерд. Посадский сын или боярский.

– Так до города день плыть!

– Может, и плыл.

– Челна не было.

– Унесло. Пристал к берегу, сомлел, а челн течением утащило. Потому трава лишь у воды примята. Далее не забрел – сил не было.

– Верно...

– Держи горшок!

Спину мажут чем-то густым, холодным, затем, приподымая меня, бинтуют.

– Вот тебе травы... Отвари, и, как очнется, пои теплым. Заруби петуха, свари уху и давай с ложки!

– Храни тебя Велес, бабушка!

– Меня-то хранит, а вот ты... Что люду скажешь?

– Прибился.

– Откуда?

– Из дальней веси – той, которую сожгли. На челне приплыл.

– Коли так... Имя подбери! Его, поповское, как вспомнит, вели забыть, коли жить хочет.

– Велю, бабушка, непременно! Назову Красимил! Он такой гожий!

– Неразумная! Сглазишь! Лучше Некрас!

– Слушаю, бабушка...

Полдень, солнце в зените, печет... Куры валяются в пыли: подгребают ее к себе крыльями и как бы купаются. Наседка растопырилась, из-под крыльев выглядывают желтые цыплячьи головки. Цыплятам не сидится; то один, то другой пробует удрать, но наседка недовольным квохтаньем возвращает ослушников на место. Я сижу на завалинке под тенью крыши и наблюдаю эту идиллию. Больше заняться нечем – бок еще болит.

С тех пор, как очнулся, пытаюсь понять: куда меня занесло? Осторожно спрашиваю хозяйку. Она отвечает без охоты, а приставать я боюсь. Хозяйке расспросы не нравятся. Ее зовут Елица, скоро год, как она вдова. Мужа и детей скосила «черная немочь». Елица тоже болела, но поправилась. Лицо ее в мелких оспинах – следы от заживших язв. «Немочь» испятнала всю деревню, многие жители, как и родные Елицы, умерли.

Деревня называется Весь. В ней двенадцать дворов и с

полсотни жителей. Было вдвое больше... Как они помещались? Изба у Елицы совсем маленькая; скорее землянка, чем дом. На песчаном пригорке выкопана яма, поверх нее – сруб в несколько венцов и длинная двускатная крыша. Внутри – печь без трубы, стол, две лавки и нары. Нары называются «полатями». На них спят всей семьей – вповалку, мы с Елицей – так же. Перед тем, как лечь, она укрывает меня одеялом из шкур, залезает под него и прижимается, грея телом. Меня трясла лихорадка, теперь ее нет, но Елица опасается, что вернется. Она обнимает меня и прижимает к себе. От нее сладко пахнет травами и молоком...

Печь в избе сложена из камня, трубы нет. Дым выходит в дыру на крыше, балки в том месте блестят от сажи. Деревенские жители ходят в домотканой одежде: женщины в рубахах до пят, у мужчин рубахи покороче и штаны на веревочках вместо пояса. Штаны называются «портами», я их тоже ношу. Из обуви здесь – лапти, но их обувают, когда идут в лес; остальное время ходят босыми. Лето, тепло... Мой спортивный костюм и кроссовки Елица сожгла, как и трусы – здесь их не носят. Я не горюю: в портах удобно и совсем не жарко. Про электричество, телевизор и радио здесь не слышали, как про асфальт и автомобили. Из средств передвижения – лодка и конь, но большей частью – свои ноги. Говорят здесь не по-русски. Похоже на язык Псалтыри, но без «рцы» и «по-неже». Понять не трудно, если вдуматься.

Это не мой мир, это нечто древнее. Куда занесли меня ко-

локольчики? Почему именно сюда? Зачем? Я не знаю ответов на эти вопросы, потому стараюсь о них не думать. Обратной дороги нет. Там – тюрьма и горе... Лучше здесь. Елица заботится обо мне: кормит, поит, даже моет по вечерам. Еда непривычная: молоко, огурцы, пареная репа, уха и вареная рыба. Временами похлебка из кореньев. Хлеба нет: зерно в деревне давно кончилось, новый урожай не поспел. Не страшно – бывало хуже.

Елица весь день в хлопотах. Хозяйство у нее большое: корова с теленком, свинья, куры... В сарае жует траву вол. Это холощенный бык – то же самое, что мерин у лошадей. Вол добродушный, но жутко тормозной: повозку влечет со скоростью черепахи. Зато сильный – любой груз потянет. Я потихоньку приглядываюсь. Как кормить живность и скотину, запрягать. Меня спасли и приютили, надо отработать. «Свой кусок заслужи!» – учил дядя Саша.

Опекуна я вспоминаю с грустью, но без острой боли. Пока лежал без памяти, прежние чувства сгорели – их выжгло и пепел развеяло. Что-то во мне переменялось. Я стал другим, но каким, пока и сам не знаю. Я не думаю о будущем: просто живу...

Без дела болтаться скучно. Обнаружив у Елицы сыромятную кожу, распускаю ее ножом на ремни и сажусь шить упряжь. У вола она совсем худая – на веревочках. У Елицы нашлись дратва, игла и шило. Инструменты кованы вручную, они толстые и неуклюжие, зато острые и кожу протыка-

ют. Елица работает в огороде и не видит, чем я занят – иначе б не позволила. Она трясется надо мной, как насадка. С чего, спрашивается? Упряжь шить – не мешки носить...

Вол добродушно позволяет сбрую примерить. Что ему? Работы нет – возить ничего, только и дел, что стой да жуй. Упряжь у него примитивная – сошьем лучшую. Руки соскучились, работа идет споро. Последняя примерка. Я поправляю шлею, как вдруг на меня падает тень.

Оборачиваюсь. У стоящего рядом мужика шрам в поллица, пустая глазница прикрыта запавшим веком, борода до пояса. Этой рожей детей пугать, но в Веси такие через одного. Жизнь в лесу суровая: или медведь обдерет, или рысь прыгнет. Это мне Елица сказывала...

– Кажи! – мужик шупает упряжь. Пальцы у него коричневые, крючковатые. – Добре выделал, добре... – бормочет он. – Где учили?

Молчу. Елица запрещает мне разговаривать с чужими. Говор у меня не здешний – распознают. Мужик глядит хмуро – не нравится.

– Чего тебе, Бень?

Это Елица. Стоит у дома, подбоченясь. Я не заметил, как она явилась – прибежала на голос. Теперь ясно, кто к нам пожаловал! Бень в веси главный.

– Пришел глянуть, – не похоже, чтоб Бень испугался. – Люди бают, отрока завела. Гляжу, а то не отрок, – уноша. И шорник ладный. Только шьет не по-нашему. Откуль такой?

– Из верхней веси. Как спалили, сюда прибег. Его в бок язвили, выходила.

– Не помню там такого.

– В верхней много люду жило – всех, что ль, помнишь?

– Такого бы не преминул, – бормочет Бень. – Ишь, гожий какой! Высокий, здатный, лик чистый... И молчит... Немой, что ли?

– Говорит плохо. Ножом язвили, помирал. Оттого...

Бень смотрит недоверчиво.

– Часом, не из поповских?

– Наш он, наш! Некрасом зовут.

– Гляди! – щурится Бень. – Не то сволочем к капищу...

– Я за него курочку Велесу поднесла! – взвивается Елица. – Принял бог жертву. И Мокошь не отринула...

– Ладно, – соглашается Бень. – Наш – так наш. Себе оставишь?

– Мой!

– Старая ты ему!

– Ничего не старая! Мне двадцать весен!

– Двадцать пять! – ухмыляется Бень. – Своих-то я ведаю.

Ему и пятнадцати, небось, нету.

– Не тебе беда!

– Не мне – так не мне, – соглашается Бень. – Ему! – он кивает в мою сторону: – Оглядится и уйдет. Девочек-то много...

Он поворачивается, уходит. Я и половины разговора не понял. Только то, что Елице двадцать пять лет. Я думал: со-

рок. У хозяйки – морщины, во рту не хватает зубов, кожа рук загрубелая... Елицу прямо трясет.

– Мердал кривой! – шипит она и плюется. – Разинул рот на чужое! Дочки твои косые да рябые – кому они нужны?

Я не видел дочек Бенья, потому не спорю. Мне, признаться, все равно. Елица топит баню и ведет меня мыться. Раньше обходились без бани. Елица говорит, что рану, то есть «язву», парить нельзя – откроется. Язва затянулась, но мы все равно только помоемся.

Баня – землянка, как и дом, только меньше. Земляной пол застлан соломой, как и лавка в углу, сбоку – печь-каменка, посреди – бадья с водой. Елица хватает щипцами раскаленный камень, бросает в бадью. Вода бурлит, испуская пар. Елица пробует ее рукой, удовлетворенно кивает. После чего обливает меня из ковша и натирает белой глиной. Она делает это бережно, ласково. Когда приходит черед промежности, руки Елицы становятся и вовсе нежными. Она не трет, а гладит. Мне приятно и немножко стыдно. Краснею. Она смотрит, улыбаясь. В бане крохотное окошко, внутри – полумрак, улыбка Елицы какая-то странная.

– Отрок, совсем еще отрок, – бормочет она.

С меня смывают глину – ласково и бережно.

– Теперь ты меня! – просит Елица.

Тру, раз велено. Спина хозяйки широкая и сильная, бедра крепкие, как и ноги. Елица поворачивается лицом. Я замираю: думал, что спереди она будет сама. Елица ждет. У

нее большие, отвисшие груди и заметный, округлый животик. Внизу живота – курчавая поросль.

– Что ж ты оробел? – шепчет она.

Зачерпываю ладонью глину из бадейки. Мажу густо, не жалея. Руки, груди, живот... Ладонь доходит до курчавых волос и замирает. Елица торопливо накрывает ее своей и начинает энергично двигать. Глаза ее закрыты, с губ срывается легкий стон. Мне становится не по себе, я выдергиваю руку. Елица вздыхает и довершает мытье сама.

Чистые, в свежих рубашках идем в дом. Елица тащит из печи горшок со щами. Капуста еще не вызрела, щи из щавеля. Они заправлены порубленным, сваренным вкрутую яйцом и вершками. Вкусно! Хлебаем, по очереди зачерпывая ложками из горшка. Скоро они скребут дно – поужинали.

Елица взбивает на полатах сенник, покрывает его чистым рядном. Ложимся. Она пристраивается рядом, прижимается плечом и бедром. Я лежу тихо. Виденное в бане не дает мне уснуть. Сладкие, смутные желания обуревают меня. В детдоме мальчишки делали это с девочками, да и в коллекторе я это видел, но сам не участвовал – стеснялся. В бане мне было приятно, хочется испытать вновь. Мне боязно, во рту пересохло, но желание сильнее. Елица рядом ровно дышит. Спит? Я тихонько, она не почувствует... Осторожно двигаю рукой. Рубашка ее задралась, бедро гладкое и горячее. Рука моя скользит по нему и замирает в густых волосах. Елица перестает дышать. Пытаюсь убрать руку, но широкая, силь-

ная ладонь накрывает ее. Ласково, но сильно показывает, куда двигаться. Пальцы мои ощущают мягкое и нежное, постепенно там становится скользко и влажно. Мне необыкновенно приятно. Я будто во сне, и сон этот волшебный.

Ее ладонь внезапно оставляет мою и скользит мне под рубаху. Гладит, ласкает. Как хорошо!

– Лежи! – шепчет она. – Тебе сверху нельзя – язва не зажила. Я сама.

Елица отбрасывает одеяло и садится на меня верхом. Мы сливаемся воедино. Внутри нее мягко и тепло. Она двигает бедрами взад-вперед, вращает ими. Острый приступ блаженства пронзает меня, из груди вырывается крик...

– Уже? – она замирает, затем ложится на меня, целует мои глаза, щеки, губы. – Отрок мой любимый!

Она соскальзывает на рядом, гладит мои волосы, плечи и трогает рукой промежность. Я вздрагиваю.

– Соромится...

Я не вижу, но понимаю: она улыбается.

– Не надо, любимый! Это не сором...

Она ласкает меня, и желание возвращается. Она вновь садится верхом, только в этот раз не спешит, двигается медленно. Большие груди колышутся предо мной. Я беру их в руки, глажу, ласкаю, затем, изогнувшись, впиваюсь в одну губами. Елица тихонько стонет, начинает двигаться все быстрее и быстрее, вдруг кричит – глухо и протяжно. Судорога изгибает мое тело, я тоже кричу. Она падает на меня, обни-

мает за шею и целует, целует...

В следующие дни нам не до работы. Елица встает на рассвете, задает корм скотам, после чего отправляется в огород. Согнувшись, машет мотыгой. Я подкрадываюсь и глажу пониже спины.

– Некрас! – сердится она. – Тебе нельзя! Язва вскрыется!

Но сама уже бросает мотыгу. Мы торопимся в дом, взбираемся на полати. Все повторяется... С каждым днем я чувствую себя сильнее, вскоре мы обходимся без дома. Долго бежать... Мы любим друг друга то в сарае – на сене под равнодушным взглядом вола, то в бане на лавке, а то и вовсе на теплой земле. Лежа, стоя, на четвереньках...

– Неугомонный! – ворчит Елица. – Это ж сколько в тебе силы?! Вчера еще лежал...

Ворчит она не искренне: я это вижу. Ей нравится. Елица похорошела, даже морщины пропали. Она улыбается и даже шутит. Мы засыпаем, обнявшись, а среди ночи я просыпаюсь от ее горячих поцелуев. Удовлетворив страсть, мы проваливаемся в сон, чтоб на рассвете вернуться к прежним занятиям. Мне хорошо. Не так, как с дядей Сашей, по-другому, но все же... Елица – не Юля, но Юлю я больше не увижу. Это не важно, что Елица старше, что она приземистая и коренастая, а во рту не хватает зубов. Она ласковая и нежная, она любит меня, а я люблю ее...

Я живу у Елицы второй год. Мы благополучно перезимовали, не голодали, как другие. Это потому, что нас только двое. Семьям, где едоков больше, пришлось хуже: умирали дети. Впрочем, как объясняет Елица, такое бывает каждый год. Мы делились едой. Елица – добрая, но всю Веси не прокормишь. По меркам Веси, у нас богатое хозяйство: корова, вол, свиньи, куры... Потому, считают в деревне, я и прижился у вдовы. Другой выбрал бы девку. Их в Веси много: «черная немочь» забрала многих мужчин. Девки к нам заглядывали: звали в лес или на реку. Я отказывался, а Елица, коли заставляла девку, хваталась за дрын. Ухажерку как ветром сдувало. Елица меня ревнует – и зря. Пусть она немолодая и некрасивая, зато добрая. Она заботится обо мне. Я люблю ее как дядю Сашу, но по-другому – дядя Саша так не ласкал...

– Некрас! – Елица показывается во дворе. Руки ее в земле – работала в огороде. – Наруби веток для гороха, вьется уже.

Я оставляю ремни, встаю. Сделанную мной упряжь в Веси оценили. Мне несут кожу, просят сделать. Платят хорошо: мука, куры, ягненок... Мы сытно питаемся, и это хорошо – Елице сейчас нужно. Она стоит, придерживая руками большой живот. Говорит, что скоро...

Беру в сарае лопатку – Елица сберегла. Ветки для гороха,

чтоб заплетался и полз вверх, нужны тонкие. Лопатка для такого дела в самый раз: она закаленная, с острыми боковыми гранями. Топор (его зовут здесь секирой) у Елицы тяжелый и сделан из мягкого железа. Быстро тупится, а точить его – морока. Елица не уходит, смотрит. Подхожу, обнимаю.

– Некрасе, любый...

Она трется щекой о мою. Глажу ее по животу.

– Толкается! – шепчет Елица. – Неугомонный будет – как и ты.

Елица уверена, что носит сына. Она считает: мне приятно это слышать. Я не перечу. Это удивительно – стать отцом в пятнадцать лет, я пока не разобрался в чувствах. Муж, глава семьи... В деревне юных отцов полно: здесь рано женятся. Только я из другого мира и не привык.

Целую Елицу и бреду со двора. У ворот оглядываюсь: Елица стоит и смотрит мне вслед. Странный у нее взгляд – тревожный. Чего боится? Не на медведя иду! Медведи, как и волки, летом сытые...

Под подошвами сапог хрустит сушняк. Сапоги я сшил сам. Из кож, что мне несут, можно выкроить. Наш сосед, дед Боша, помог мне вытянуть поршни – это что-то вроде кожаных галош, голенища к поршням смастерил и притачал я сам. Сапоги вышли неказистые, пропускают воду, зато защищают от змей. В лесу их полно.

Тресь! Тресь! Тонкие прутья орешника, срезанные наискосок, остаются стоять – куст густой, падать некуда. Я вытас-

киваю, складываю в кучу. Прутья толщиной с палец – в самый раз. Горох обовьет их усами, потянется вверх, урожай выйдет богатый, да и собирать легче. Из прутьев потолще делают плетень, из совсем тонких, – корзины и верши для рыбной ловли. Я умею их плести – дед Боца научил. Зимой работы мало, вот мы и занимались. У Боци имелся запас прутьев, у нас – хлеб и молоко, чтоб отблагодарить за науку. У Боци от «немочи» умерли сын с невесткой, остались внуки – их надо кормить.

Боца любит болтать; от него я узнаю больше, чем от Елицы. Весь – языческая деревня, потому прячется в лесу. В городах и ближних к ним селениях живут христиане (в Веси зовут их «поповцами»), «поповцы» не любят и преследуют язычников. Они зовут нас «погаными». Прошлым летом «поповцы» сожгли деревню в верховьях реки. Ту самую, из которой, как считается, я и приплыл. Жителей деревни кого убили, кого увели в полон, после чего продали в холопы – здесь так зовут рабов. С язычниками повсеместно так. Жители Веси не ездят в христианские селения: распознают в них язычников – проследят и разграбят. Живем натуральным хозяйством: рожь, овес, горох, скот, птица. Из льна добывают волокно, вьют нити и ткут полотно. Скот и дичь дают шкуры и сыромятные кожи. Последние мочат в извести, чтоб согнать шерсть, затем скоблят, отмачивают в овсяном квасе, мнут конским воротом, мажут жиром и березовым дегтем. Кожи получаются мягкие, но прочные. В деревне есть куз-

ница, а вот мельницы нету: зерно мелют жерновами. Мука сыплется грубая, хлеб из нее черный, как земля, но вкусный. Съел краюху, запил водой – и сыт.

По словам Бощи, в больших городах правят князья, в мелких – посадники. Главный князь сидит в Киеве. Как его зовут, Боща не знает, как и года, в котором живем. В Веси свой календарь. Он привязан к временам года, положению солнца и луны. Календарем заведует жрец; он говорит жителям Веси, когда и что делать, а также назначает праздники. В лесу за деревней есть капище – несколько идолов, рубленых секирами из толстых стволов. В праздники идолам приносят жертвы: режут скот, мажут губы идолов кровью, после чего туши съедают. Могут зарезать «поповца», если попадетсЯ, потому Елица боялась за меня. Она отвела жрецу теленка, и тот объявил, что я – свой. На самом деле жрец распознал меня, но промолчал. От живого теленка прибытку больше...

Я хожу на праздники, как все жители Веси. Не всегда. Прошлым летом Елица не пустила меня на Купалу. Сказала: еще не поправился. На самом деле причина другая. Купалу празднуют ночью: жгут костры, много едят и пьют, после чего мужчины, как холостые, так и женатые, хватают девок и женщин без разбора. Елица опасается, что уйду. Глупая: я ее люблю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.